

2023

Nº6 TOM 8

УДК 001.8(082)

ББК 1 Н 34

Периодичность — *12 раз в год*Свидетельство ПИ № ФС 77-84349

ISSN 2226-5694

Состав ред. коллегии и сведения об учредителе приведены на сайте https://na-journal.ru

Н 34 НАУЧНЫЙ АСПЕКТ № 6 2023. — Самара: Изд-во ООО «Аспект», 2023. — Т8. — 140 с.

Журнал «Научный аспект» является научным изданием и отражает результаты научной деятельности авторов по различным дисциплинам в области гуманитарных, естественных и технических наук.

УДК 001.8(082) ББК 1

Почтовый адрес: 420100 г. Казань а/я 9 Официальный сайт: https://na-journal.ru Электронная почта: public@na-journal.ru Подписано к печати 21.07.2023

Бумага ксероксная. Печать оперативная. Заказ № Формат $60 \times 84 / 16$. Объем 8,4 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Куранты» г. Казань, Сибирский тракт, 34к14, оф. 317, тел. +7 (843) 216-12-71

Содержание

ПРАВО

Королькова А. С.
Формирование страховой грамотности населения
на примере МО «Город Архангельск»
Мишина Е.В.
Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ в рамках проведения процедур банкротства935
Говорун А. С.
Добросовестность третьего лица при исполнении гражданско-правового обязательства. 942
Астафьева А. С.
К вопросу о понятии «государственные и муниципальные нужды» как основания принудительного изъятия земельного участка947
Бекмагамбетова С. С.
Формы несовершенств (пороков)
гражданского права
Володина Я.А.
Эмбрион как элемент
гражданских правоотношений
Пшембаева А. М.
Незаконное использование товарного знака: анализ судебной
практики
Скрынникова А. С., Казаева Д. Е.
Административные регламенты в правоохранительных органах: проблемы применения
Багуцкий Н. В., Дадаева Ю. В.
Актуальные вопросы противодействия экстремизму в сети Интернет в условиях внешнеполитической нестабильности 971

Искевич И. С., Чернокозинский М. В.
Проблемы определения личного статута иностранных юридических лиц
Погорелов Д. А. К вопросу о понятии сделка в российском гражданском праве981
Фомин А. С. Уголовно-правовая характеристика уклонения от уплаты таможенных платежей. Субъективные признаки
Якунин Д. В., Горохов В. Ю. Проблемы привлечения к ответственности государственных гражданских служащих за нарушения запретов и ограничений991
Якунин Д. В., Горохов В. Ю. Проблемы законодательного регулирования запретов и ограничений, связанных с государственной гражданской службой 998
политология
ПОЛИТОЛОГИЯ Дадашева М. Э. Противоречия между США и КНР в контексте инициативы «Один пояс, один путь» в период президентского срока Д. Трампа и Дж. Байдена
Дадашева М.Э. Противоречия между США и КНР в контексте инициативы «Один пояс, один путь» в период президентского срока Д. Трампа
Дадашева М.Э. Противоречия между США и КНР в контексте инициативы «Один пояс, один путь» в период президентского срока Д. Трампа и Дж. Байдена
Дадашева М. Э. Противоречия между США и КНР в контексте инициативы «Один пояс, один путь» в период президентского срока Д. Трампа и Дж. Байдена

Олимпийские игры в Пекине как демонстраций мягкой силы КНР.	1047
Хить С.А.	

Ван Аньци

ПРАВО

УДК 34

Формирование страховой грамотности населения на примере МО «Город Архангельск»

Королькова Анна Сергеевна

магистрант Северного государственного медицинского университета

Аннотация: В статье проведен анализ уровня страховой грамотности населения МО «город Архангельск». В качестве методов использованы метод аналогий, контентанализ, анкетный опрос, статистический метод, метод организационного эксперимента. Исследование показало, что неудовлетворительным уровнем страховой грамотности обладают 37% респондентов. Также выявлены проблемы в вопросах, относящихся к сфере добровольного медицинского страхования. На основе полученного исследования разработаны рекомендации по повышению страховой грамотности населения. В качестве рекомендации по ее повышению разработан пилотный электронный образовательный курс «Основы медицинского страхования». Для проведения пилотного обучения была сформирована тестовая группа участников в количестве 30 человек, после освоения которого предлагалось пройти анкету для определения оценки удовлетворенности пройденного обучения. Анкетирование показало, что в целом, проведенное обучение, удовлетворило членов тестовой группы и может быть рекомендовано с доработкой к реализации как один из вариантов для повышения уровня страховой грамотности населения.

Abstract: The article analyzes the level of insurance literacy of the population of the "Arkhangelsk city" municipality. The methods used are the method of analogies, content analysis, questionnaire survey, statistical method, method of organizational experiment. The study showed that 37% of respondents have an unsatisfactory level of insurance literacy. The issues related to the sphere of voluntary health insurance were also revealed. On the basis of the study recommendations to improve insurance literacy of the population were developed. As a recommendation for its improvement, a pilot electronic educational course "Fundamentals of Health Insurance" was developed. For the pilot training a test group of 30 participants was formed. They were offered to pass a questionnaire to determine the assessment of satisfaction with the training after mastering the course. The questionnaire showed that, in general, the conducted training satisfied the members of the test group and can be recommended for implementation as one of the options for increasing the level of insurance literacy of the population.

Ключевые слова: страховая грамотность; страховая медицинская грамотность; электронный образовательный курс.

Keywords: insurance literacy; insurance medical literacy; electronic educational course.

Здоровье населения является основополагающим фактором роста экономики страны и благосостояния граждан. На уровень здоровья оказывает влияние множество параметров, среди которых особое место занимают грамотность индивида в целом, а также в частности медицинская и страховая грамотность. Поскольку в современных условиях в России сложилась довольно сложная система медицинского страхования, то обычному человеку тяжело разобраться в механизме ее функционирования и тонкостях взаимодействия систем обязательного и добровольного медицинского страхования. Масштабных исследований страховой медицинской грамотности не проводилось, не смотря на важность данного понятия. В связи этим возникает необходимость более детального изучения страховой грамотности и путей ее повышения.

Множество авторов дают различное толкование понятию «страховая грамотность». С позиций медицины терминологический анализ страховой грамотности представлен в таблице 1.

С финансовой точки зрения терминологический анализ страховой грамотности представлен в таблице 2.

Таким образом, обзор и анализ научной литературы по изучаемой проблеме позволяет выявить недостаточную степень изученности понятия страховой грамотности и предложить новое авторское определение «страховая грамотность», которое можно сформулировать как совокупность знаний и умений в сфере финансов и общественного здоровья, позволяющих индивиду выбирать оптимальный вариант страхового продукта для сохранения здоровья и сбережения финансов, а также грамотно действовать при заключении договора страхования, наступления страхового случая и при защите прав потребителя страховых услуг.

Для проведения исследования страховой грамотности трудоспособного населения г. Архангельска в вопросах медицинского страхования было проведено анкетирование. В исследовании приняли участие 53 муж-

Таблица 1. **Терминологический анализ страховой грамотности** с медицинской точки зрения

Автор	Термин страховой грамотности
Американский ин-	«Медицинская страховая грамотность» означает оценку
ститут исследо-	способности человека принимать обоснованные решения
ваний [1]	при выборе и использовании медицинского страхования
Л. Куинси [2]	Знание, способность и уверенность в том, чтобы найти и оценить информацию о планах медицинского страхования, выбрать наилучший план для членов своей семьи с учетом их собственных финансовых и медицинских обстоятельств или состояния здоровья их семьи, и использовать его во благо своей семьи
Абубакиров А.С. [3]	Система знаний, умений и навыков восприятия, выбора и пользования страховых услуг и продуктов. Относительно медицинского страхования это означает умение ориентироваться в широком спектре предложений в рамках ОМС и ДМС и выбирать продукты, наиболее полно отвечающие целям сохранения здоровья и финансовой оптимальности

Таблица 2. **Терминологический анализ страховой грамотности** с финансовой точки зрения

Автор	Термин страховой грамотности	
Закирова О.В., Мингазинова Е.Р. [4]	Осведомленность, совокупность знаний и умений, формирующих поведенческую модель на основе восприятия страхования как способа защиты от непредвиденных финансовых потерь и позволяющую принимать правильные решения по заключению договоров страхования, грамотно	
	действовать при наступлении страхового случая, а также защитить свои права потребителя страховых услуг	
Лаврентьева Л.В., Яшкова Е. В. [5]	Своеобразная модель психологического восприятия страховых услуг и рынка страхования населением страны	
Система знаний, умений и навыков восприятия бора и пользования страховых услуг и продуктов носительно медицинского страхования это озна умение ориентироваться в широком спектре предл в рамках ОМС и ДМС и выбирать продукты, наи полно отвечающие целям сохранения здоровья и совой оптимальности		

чины и 174 женщины. После обработки результатов анкет выяснилось, что большинство респондентов (53%) считают себя скорее здоровым человеком, чем больным. 21% опрошенных трудно понять, когда необходимо проверить свое здоровье.

В результате обработки анкет выявлено, что 39% респондентов достаточно трудно ориентироваться между набором услуг, предоставляемых в рамках обязательного и добровольного медицинского страхования.

Большинству респондентов приходилось откладывать или избегать обращения за медицинской помощью из-за ее стоимости (69%). 40% респондентов оплачивают медицинские услуги непосредственно врачу, хотя могли бы получить их бесплатно.

Около 70% респондентов изредка платят за медицинские услуги, которые должны получать бесплатно, в кассу медицинского учреждения. За последний год 74% опрошенных оплачивали медицинскую помощь.

В числе проблем, с которыми сталкиваются пациенты при получении медицинской помощи в рамках ОМС, лидируют следующие: невозможность попасть на прием из-за отсутствия талонов и больших очередей, а также неудовлетворительное качество оказываемых медицинских услуг.

Субъективно свои права пациента 73% опрошенных оценивают, как недостаточные. Так большинство респондентов 23% либо не получают информацию о бесплатных медицинских услугах, либо получают ее от родственников, знакомых, соседей. большинство респондентов (77%) обращались к частным клиникам до 5 раз в год.

Наиболее часто опрощенные пользуются такими услугами частных клиник, как стоматология (52%) и диагностические исследование и анализы (26%).

По субъективному показателю оценки собственного уровня страховой грамотности 56% опрошенных считают, что обладают средним уровнем страховой грамотности, 23% — низким. 77% респондентов считают медицинское страхование необходимым элементом системы здравоохранения, так как при отсутствии системы медицинского страхования медицинская помощь стала бы недоступной для большинства граждан. 61% опрошенных основными недостатками системы ОМС считают низкое качество и доступность услуг. 42% опрошенных не знают, кто такой страховой представитель.

Исследование показало, что неудовлетворительным уровнем страховой грамотности обладают 37% респондентов, у 28% — хороший уровень страховой грамотности, у 18% — отличный, у 17% — удовлетворительный. Также выявлены проблемы в вопросах, относящихся к сфере добровольного медицинского страхования.

Поскольку у 37% опрошенных был выявлен неудовлетворительный уровень страховой грамотности, то в качестве рекомендаций по ее повышению разработан пилотный электронный образовательный курс «Основы медицинского страхования». Для проведения пилотного обучения была сформирована тестовая группа участников в количестве 30 человек.

После освоения учебных материалов каждому участнику тестовой группы предлагалось пройти анкету для определения оценки удовлетворенности пройденного обучения. Анкетирование показало, что в целом, проведенное обучение, удовлетворило членов тестовой группы и может быть рекомендовано с доработкой к реализации как один из вариантов для повышения уровня страховой грамотности населения.

Рассмотрена возможность организации мероприятий с целью повышения страховой медицинской грамотности, к числу которых относится создание Правительством Архангельской области совместно с другими заинтересованными субъектами проекта «Содействие повышению уровня страховой медицинской грамотности населения и в Архангельской области». Для этого предложено:

- сформировать задачи по повышению страховой грамотности среди основных заинтересованных сторон на региональном уровне на основе оценки уровня страховой медицинской грамотности населения, разработать и запустить реализацию среднесрочной Региональной стратегии повышения страховой грамотности населения:
- создать условия для реализации программ повышения страховой медицинской грамотности на региональном уровне с участием органов исполнительной власти, учебных заведений, медицинских организаций, страховых компаний, ТФОМС, неправительственных организаций;
- сформировать кадровый потенциал в области реализации программ повышения страховой медицинской грамотности на региональном уровне;

- разработать и довести до потребителя образовательные программы и материалы по повышению страховой грамотности в области медицинского страхования и в области защиты прав потребителей страховых медицинских услуг, используя институты и каналы как формального, так и неформального образования;
- создать систему эффективных и доступных информационных ресурсов в области страховой медицинской грамотности и защиты прав потребителей страховых услуг, провести масштабную информационную кампанию;
- провести мониторинг уровня страховой медицинской грамотности населения.

Рекомендуется проводить мероприятия, по активному взаимодействию жителей г. Архангельска с ТФОМС, страховыми компаниями и медицинскими учреждениями (например, «Месяц грамотности в вопросах медицинского страхования», «прямые линии», «круглые столы», расширенные приемы, учебные семинары), чтобы информация о нововведениях и возможностях в этой сфере передавалась из «первых рук».

Реализация данных мер приведет к повышению медицинской и страховой грамотности населения, улучшению качества медицинского обслуживания, повышению уровня удовлетворенности качеством оказания медицинской помощи среди пациентов, уменьшению конфликтных и стрессовых ситуаций между персоналом медицинских организаций и пациентами. Данные мероприятия благоприятно сказываются на развитии не только системы медицинского страхования, но и на развитии здравоохранения в целом, сохранению и укреплению здоровья населения.

Список литературы

- 1. Абубакиров А. С. Страховая грамотность как элемент медицинской грамотности населения / А. С. Абубакиров // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2021. № 3. С. 110—115.
- 2. Абубакиров А. С. Курсы страховой грамотности как инструмент повышения информированности граждан относительно программ меди-

- цинского страхования / А. С. Абубакиров // Костинские чтения: материалы III Международной научно-практической конференции. М.: ИИЦ АТиСО, 2020. С. 142—146.
- 3. Абубакиров А. С. Практика реализации дистанционных образовательных проектов страховыми организациями в рамках обязательного и добровольного медицинского страхования (кейс-стади) / А. С. Абубакиров, А. Б. Зудин, Ю. Ю. Снегирёва // Вестник Авиценны. 2019. Т. 21. № 4. С. 577—583.
- 4. Закирова О. В. Страховая грамотность населения: оценка составляющих / О. В. Закирова, Е. Р. Мингазинова // Вестник НГИЭИ. 2020. № 9 (112). С. 126—136.
- Лаврентьева Л. В. К вопросу о повышении страховой грамотности различных слоев населения России / Л. В. Лаврентьева, Е. В. Яшкова // КНЖ. 2017. № 4 (21). С. 237—240.
- 6. Калайда С. А., Ганенко М. В. Страховая грамотность как один из факторов развития российского страхового рынок // Страховое дело, 2019. № 12. С. 3—11.

УДК 347.72.032.1

Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ в рамках проведения процедур банкротства

Мишина Екатерина Валерьевна

магистрант Сибирского юридического университета

Аннотация: Законодательство о банкротстве является наиболее развивающимся среди отраслей российского законодательства, однако существуют пробелы при регулировании некоторых правовых институтов. В частности, не урегулирован институт внеконкурсного оспаривания сделок должника, совершенных в преддверии банкротства.

Далеко нередки случаи, когда незадолго до банкротства должник, в целях вывода активов, в личных целях, совершает сделки в ущерб обществу, например, дарит или продает по заниженной стоимости актив или иное имущество. При этом законом

о банкротстве предусмотрена процедура оспаривания таких сделок в рамках конкурсного производства, а вот на стадии наблюдения, финансового оздоровления такой процедурной возможности законом не предусмотрено.

Настоящая статья посвящена рассмотрению примеров из практики и обоснованию введения института внеконкурсного оспаривания сделок должника на стадии наблюдения, целью которого является своевременное удовлетворение интересов кредиторов, а также возможность восстановления платежеспособности должника.

Abstract: The legislation on bankruptcy is the most developing among the branches of Russian legislation, but there are gaps in the regulation of some legal institutions. In particular, the institute of non-competitive challenge of debtor's transactions made in anticipation of bankruptcy is not regulated.

It is not uncommon that shortly before bankruptcy a debtor, to withdraw assets or for personal purposes, makes transactions to the detriment of society, for example, gives or sells an asset or other property at an undervalued price. At the same time, the bankruptcy law provides for a procedure to challenge such transactions within the framework of bankruptcy proceedings, but the law does not provide for such procedural possibility at the stage of supervision or financial rehabilitation. The present article is devoted to consideration of examples from practice and justification of introduction of the institute of non-competitive contestation of debtor's transactions at the stage of supervision, the purpose of which is timely satisfaction of creditors' interests, as well as the possibility to restore the debtor's solvency.

Ключевые слова: внеконкурсное оспаривание, банкротство, конкурсная масса, оспаривание сделок, возврат имущества в конкурсную массу, ответственность.

Keywords: out-of-court challenge, bankruptcy, bankruptcy estate, voidable transactions, return of property to the bankruptcy estate, liability.

Внеконкурсное кредиторское оспаривание за рамками процедуры банкротства привлекательно тем, что такая процедура позволяет возвращать выведенные с нарушением закона активы в конкурсную массу при опера-

тивном оспаривании подозрительных сделок еще до того момента, когда

должник будет признан банкротом[2].

Введение данного института обосновано многочисленными фактами злоупотребления, которые совершают недобросовестные должники. Это могут быть организованные до начала процедуры банкротства перепродажа имущества или перевод денег должника аффилиату. Если между днем

совершения следки и днем начала конкурсного производства проходит значительный временной промежуток, то вернуть в конкурсную массу имущество должника может стать крайне сложно.

Основанием для оспаривания таких сделок может стать запрет для должника на расчет с кредиторами любым другим образом, помимо дела о банкротстве (аб.2 п. 1 ст. 63 ФЗ РФ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (далее — ФЗ о банкротстве)), после того, как будет введен режим наблюдения. Это позволяет оспаривать сделки как проведенные с нарушением требований законодательства. Однако в ряде случаев судебные органы отказывают признавать сделки недействительными, если единственным основанием для этого является их совершение до того, как стартует первый этап процесса банкротства[4].

В практике судебных органов постепенно формируются положения для работы с иным подходом. Например, в п. 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 г. № 127 описывается одно дело. Согласно документу, суд признал ничтожность договора на доверительное управление, который был заключен, чтобы кредиторы не узнали о наличии имущества у должника. Основанием для такого решения послужили ст. 10, 168 ГК РФ, согласно которым был сделан вывод о невозможности злоупотребления правом. Однако прямого указания на использования данного подхода судебными органами не последовало.

В п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 читаем, что предусмотренные в ст. 61.2, 61.3 ФЗ о банкротстве специальные основания оспаривания сами по себе не являются препятствием, чтобы судебные органы признавали ничтожной сделки, при заключении которых был допущен факт злоупотребления правом согласно ст. 10, 168 ГК РФ. Такай подход подтверждается и ВАС РФ — в Постановлении Президиума данного органа от 17.06.2014 г. № 10044/11 [3].

Еще раньше рассматриваемый нами институт получил развитие в Постановлении Пленума ВС РФ от 22.06.2012 г. № 35. В этом документе разъясняется, что иск о взыскании задолженности по обязательным платежам либо денежным обязательствам (помимо текущих платежей), поданный до момента введения наблюдения, предоставляет истцу право выбора. То есть, суд допускает признание сделок ничтожными, даже если это наносит кредиторам вред в процессе наблюдения.

В законодательстве РФ отсутствует перечень лиц, у которых есть право обратиться в судебные органы для признания сделки наносящей ущерб кредиторам. Опираясь на разъяснения высших судебных инстанций, можно установить, что обратиться в суд для признания ничтожности сделки имеет право контрагент по оспариваемой сделке. При этом важно отметить, что в качестве такого лица может выступать третья сторона (кредитор), если спорная сделка нарушила его права (в ситуации, когда он не является одной из сторон в подлежащей оспариванию сделке).

Рассматриваемый нами институт должен быть введен для своевременного возврата имущества общества, для предотвращения нарушения прав кредиторов и прочих лиц, включая и само общество, чтобы поддерживать и восстанавливать деятельность и платежеспособность юридического лица.

Конечно же, введение этого института на уровне законодательства путем внесения соответствующих положений в гл. IV, V ФЗ о банкротстве, может пойти на пользу развитию судебной практики по соответствующим делам. Однако в этом случае произойдет закрепление судебной практики как прокредиторской. Этой позиции придерживается О. В. Гутников, который указывает на нередкие случаи привлечения к субсидиарной ответственности. Данное явление демонстрирует наметившуюся тенденцию в законодательстве и судебной практике по совершенствованию субсидиарной ответственности в интересах только лишь кредиторов. В скором времени положения о том, что юридическое лицо несет самостоятельную имущественную ответственность, станут исключением из правил[1].

В ФЗ о банкротстве была введена гл. III.2, которая касается ответственности руководителя должника и прочих лиц в деле о банкротстве. Из-за нее сложилась ситуация, когда общество могло признаваться неплатежеспособным, основные убытки общества могли быть отнесены для получения выгоды активы могли выводиться для сокрытия имущества и т. д. В связи с этим сложилась судебная практика по привлечению контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Презумпция доказывания статуса контролирующего лица содержится в ст. 61.10 ФЗ о банкротстве.

На практике выявлять бенефициаров, которые являются конечными приобретателями выгоды, но не имеют на это правовых оснований, оказывается крайне затруднительно.

Доказать статус контролирующего лица в отношении должника позволяет ряд положений:

- если лицо извлекает из недобросовестных либо незаконных действий руководителя юридического лица-должника выгоду и не доказано обратное (пп. 3. п 4. ст. 61.10 ФЗ о банкротстве);
- если третье лицо получило значительную долю в активах должника (напрямую или путем ряда последовательных операций) путем совершения сделки, которая заведомо не выгодна для контролируемой организации и кредиторов, например, с участие фирмы-однодневки, с использованием поддельного документооборота и т. д. (п. 7 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 г. № 53);
- если лицо имеет любые неформальные отношения с должником, например, совместно проходит с ним обучение, проживает, ведет служебную деятельность и т. д. (Письмо № СА-4—18/16148@ от 16.08.2017 г., раскрывающее порядок применения налоговиками положений гл. III ФЗ от № 127 26.10.2002 г.).

Конечный бенефициар, по описанию ВС РФ, является лицом, у которого нет формальных полномочий представлять юрлицо. Он не должен быть заинтересован в том, чтобы раскрыть свой статус контролирующего лица или скрыть возможность оказывать давление на такое лицо. У подобных отношений не обязательно должны быть регламентирующие их акты, нормативные или локальные [5].

В одном из судебных дел, бенефициар обладающий контрольными пакетами акций материнских компаний по отношению к должнике, извлекал выгоду из незаконного поведения генеральных директоров общества — заключал подозрительные сделки от имени общества, а полученные по ним средства переводил на свой счет. Контроль фактического бенефициара был определен на основе владения, чем он и пользовался, заставляя должника совершать подозрительные сделки. Кроме того, статус конечного бенефициара подтверждался показаниями свидетелей [8].

В описанном случае статус лица был выявлен на базе существенных косвенных доказательств и доводов, которые стали убедительными аргументами о контроле ответчика в отношении должника.

Еще в одном споре ответчик разработал схему построения бизнеса и полностью контролировал все процессы организации, в том числе согласовывал решения о приеме сотрудников на работу, выплатах заработной платы. Эти обстоятельства дали судебным органам основания признать лицо контролирующим должника и привлечь его к субсидиарной ответственности [6].

Рассмотрим еще один пример. В споре было установлено, что фактические бенефициары извлекли выгоду из недобросовестного и незаконного поведения номинального директора, совершая подозрительные сделки. Так, организацией была накоплена кредиторская задолженность, а по факту денежные средства были выведены владельцами, из-за чего должник стал банкротом [7].

В деле подконтрольность должника доказана совокупностью обстоятельств:

- хранение документов, сдача налоговой отчетности группы лиц должника осуществлялась другим лицом, также находящимся под контролем бенефициаров;
- бенефициары давали личные поручительства по обязательствам должника, при этом в кредитной документации должник и бенефициары выступали как группа лиц;
- в рамках данных обособленных споров были даны свидетельские показания бывших номинальных директоров о том, что указанные лица являются бенефициарами;
- нахождение аффилированных организаций по единому адресу;
- представление интересов группы лиц одними представителями;
- анализ движения денежных средств по банковским выпискам подтвердил многочисленные банковские операции по перечислению и возврату денежных средств среди аффилированных организаций должника;
- совпадение юридических адресов регистраций ряда компаний по адресам недвижимого имущества, принадлежащим другим компаниям.

Указанные обстоятельства в совокупности позволили установить группу лиц должника и подтвердить, что указанная группа контролируется бенефициарами, привлекаемыми к субсидиарной ответственности.

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод, что на сегодняшний день имеются правовые средства для привлечения контроли-

рующих должника лиц к субсидиарной ответственности, установленные специальным законом о банкротстве и позициями, выработанными судебной практикой. При этом введение внеконкурсного оспаривания сделок хозяйственного общества, совершенных с целью вывода активов перед банкротством, способствовало бы созданию дополнительного механизма предотвращения нарушений и восстановлению прав, в том числе корпоративных.

Список литературы

- 1. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы. Журнал Российского права, 2022. № 7 // Консультант плюс.
- 2. Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // актуальные проблемы российского права. 2020. № 2. С. 105–112.
- 3. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.06.2014 № 10044/11 по делу№ A32—26991/2009. Доступ из СПС Консультант плюс.
- 4. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.03.2016 № Ф02–6616/15 по делу № А19–7275/2012 URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/w9VqT8XtyNVr.
- 5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФот 15.02.2018 № 302-ЭС14—1472 Доступ из СПС Консультант плюс.
- 6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округаот 17.01.2019 № A04—2898/2015. Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.05.2023)
- 7. Постановление арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 07.07.2020 по делу № A19—925/2016. Доступ из СПС Консультант плюс (дата обращения 11.05.2023).
- Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.09.2020 № 304-ЭС19—25557 (3) по делу № А46—10739/2017. Доступ из СПС Консультант плюс.

УДК 347

Добросовестность третьего лица при исполнении гражданско-правового обязательства

Говорун Алена Сергеевна

студент магистратуры Сибирского юридического университета

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос добросовестности третьего лица при исполнении гражданско-правового обязательства. Анализируется конкретный кейс изсудебной практики с применением положений статей 10 и 313 Гражданского кодекса Российской Федерации, Дана характеристика критериям признания действий третьего лица, как добросовестных, так и недобросовестных.

Abstract: This article considers the issue of third party's good faith in the fulfillment of a civil obligation. It analyzes a specific case from court practice with application of provisions of Articles 10 and 313 of the Civil Code of the Russian Federation, characterizes the criteria for recognizing the actions of a third party as good faith and bad faith.

Ключевые слова: исполнение обязательства, третье лицо, злоупотребление правом, добросовестность, причинение ущерба, противоправный интерес, способ защиты.

Keywords: performance of obligation, third party, abuse of right, good faith, infliction of damage, wrongful interest, method of protection.

После принятия Федерального закона от 08 марта 2015 г. № 42 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [4] начала действовать обновленная редакция ст. 313 ГК РФ. Она сделала шире основания, по которым кредитор может принять исполнение по обязательству за должника, совершенное третьим лицом [2]. В этой статье говорится, что первым основанием для данного действия является тот факт, что должник возложил на третье лицо обязанность выполнять его обязательства. Если такой обязанности нет, то есть еще два основания для приема исполнения обязательств должника от третьих лиц. Первое — это несоблюдение должником сроков исполнения его обязательств, то есть допущена просрочка. Второе — возникновение опасности для третьего лица потерять права на имущество должника, если обязательства последнего не будут исполнены.

Научное сообщество видит в вышеописанной норме потенциальную возможность нарушения интересов кредитора и должника. Например, А. В. Егоров считает, что новые правила ст. 313 ГК РФ могут породить различные споры по вопросам отнесения действий кредиторов и третьих лиц к категории недобросовестных [3].

П. 3 ст. 1 ГК РФ называет добросовестность основополагающей категорией и общим принципом регулирования отношений в гражданско-правовом поле. О критериях добросовестности лиц при исполнении гражданско-правовых обязательств говорится в абз. 3 п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25«О применении судами некоторых положений раздела І части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Согласно данному разъяснению, определять добросовестность или недобросовестность третьего лица необходимо путем сравнения его поведения с моделью поведения, при которой участники гражданских отношений, а также участвующие лица в деле о банкротстве, действуют с учетом прав и интересов другой стороны и оказывают ей содействие[5]. Как в целом, так и применительно к теме нашей статьи, законодательство устанавливает презумпцию добросовестности всех участников гражданско-правовых отношений. Она предполагается до того момента, пока не установлено и не доказано противоположное положение дел. Вышеуказанным постановлением Пленума ВС РФ отмечено, что применять принцип добросовестности можно как по заявлению стороны, так и по инициативе судебных органов. Однако в последнем случае это возможно тогда, когда на обсуждение сторон вынесены обстоятельства, явно свидетельствующие о фактах недобросовестного поведения.

Так как понятие добросовестности относится к оценочным категориям, и не может нормироваться, ее определение стоит искать в правовой доктрине. Ученые-правоведы считают, что добросовестностью каждого участника отношений в гражданско-правовом поле нужно считать — исполнение им социальных нравственных и неправовых норм [1].

Судебная практика включает множество споров, поднимающих вопросы добросовестности третьего лица, которое исполняет гражданско-правовые обязательства за должника. В одном из дел рассматривался спор, в котором суд не выявил оснований, чтобы удовлетворить ходатайство

третьего лица о процессуальном правопреемстве заявителя (кредитора), и прекращения производства по делу о банкротстве организации [7]. 23 марта 2018 года заимодавец (в дальнейшем стал кредитором) и заемщик ООО «Дальзавод» заключили договор процентного денежного займа. По условиям данного договора в срок до 31 августа 2018 года заемщик должен был возвратить сумму займа заимодавцу. Вместе с тем заемщик не вернул полученные денежные средства, поэтому он подал в суд иск о признании его банкротом (финансово несостоятельным). Суд в решении от 31 июля 2020 года признал ООО «Дальзавод» банкротом с применением упрощенной процедуры ликвидируемого должника, а требования кредитора включил в реестр требований кредиторов к должнику.

Третье лицо не было согласно с принятым судом решением, поэтому подало апелляционную жалобу со ссылкой на п. 2 ст. 313 ГК РФ. Согласно жалобе, третье лицо перечислило на нотариальный депозит денежные средства, тем самым погасив задолженность ООО «Дальзавод» перед заимодавцем. Но апелляционный суд после оценки и анализов доводов третьего лица сделал вывод о том, что действия по переводу денежных средств кредитору были осуществлены исключительно с целью недопущения приобретения по данному иску преимуществ первого заявителя, которое, в частности, касалось выдвижения кандидатуры арбитражного управляющего. Несмотря на содержащуюся в ст. 313 ГК РФ обязанность кредитора принять от должника исполнение обязательств, которое было предоставлено ему третьим лицом, в действиях третьего лица суд апелляционной инстанции выявил явные признаки недобросовестного поведения. Поскольку он, на самом деле не преследовал цели погашения долга ООО «Дальзавод» перед заимодавцем, а наоборот, его действия были направлены на лишение заимодавца статуса заявителя в деле о банкротстве. Необходимо отметить, что решение суда апелляционной инстанции постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02 марта 2022 г. № Ф03-7605/2021 по делу № А51-7161/2020 осталось без изменения [6].

Анализ вышеприведенного казуса позволяет сделать вывод, что суд правомерно применил ст. 10 ГК РФ, квалифицировав действия третьего лица как содержащие злоупотребление правом, поскольку имели противоправный интерес. Признаком этого стал тот факт, что институт, который

закреплен в ст. 313 ГК РФ, был использован не по назначению (то есть не просто для того, чтобы исполнить обязательство должника), а с целью лишить заявителя (кредитора) права выбора кандидатуры арбитражного управляющего. Этот выбор оказывает непосредственное влияние на ход признания должника банкротом. Рассмотренная ситуация наглядно демонстрирует, что при выявлении судом явных признаков злоупотребления третьим лицом своими правами, его нельзя считать лицом, приобретшим соответствующие кредиторские права.

По нашему мнению, в гражданском и в арбитражном процессе необходимо приветствовать судебный действия, пресекающие недобросовестное поведение со стороны третьих лиц при исполнении обязательства гражданско-правового характера. Это и продемонстрировано на приведенном выше примере.

Сегодня в законодательстве нет содержания критериев недобросовестности. Изучение судебной практики по вопросу определения добросовестности в действиях третьего лица при выполнении гражданско-правового обязательства дает возможность выделить следующие критерии характеризующие недобросовестное поведение третьего лица:

- действия, направленные на ущемление интересов и прав кредитора против его воли (к примеру, возбуждения процедуры несостоятельности, наложения обеспечительных мер, обращения взыскания на имущество и т.п.);
- действия по частичному исполнению обязательств гражданско-правового характера, которые нацелены на устранение оснований для возбуждения процедуры банкротства должника, то есть на лишение заявителя (кредитора) статуса заявителя в деле о банкротстве;
- действия, направленные исключительно на то, чтобы причинить ущерб должнику или кредитору.

Необходимо отметить, что существует сложность в доказывании признаков злоупотребления правом в действиях третьего лица, которое исполняет гражданско-правовое обязательство по правилам ст. 313 ГК РФ, что следует из анализа практики судебных органов.

Квалифицируя действия третьего лица, которое исполнило обязательство должника по делу о банкротстве, как добросовестные, важно принимать во

внимание веские и убедительные аргументы в пользу того, что его действия действительно носили охранительный и защитный характер и не были направлены на причинение ущерба участвующим лицам по делу о банкротстве. Это связано с тем, что данные действия обычно ожидаются от любого разумного участника гражданско-правовых отношений и соответствуют нравственным и социальным неправовым нормам о добросовестности.

Исполнение гражданско-правового обязательства третьим лицом проявляется в определенном удобстве и дает возможность сэкономить расходы и снизить связанные с таким исполнением риски. Это подтверждается тем, что случаи исполнения обязательств третьими лицами действительно широко распространены. При этом, в целях предотвращения злоупотребления правом третьим лицом при исполнении гражданско-правового обязательства необходимо подтверждение его законных интересов, поэтому вопрос о добросовестности третьего лица имеет существенное значение в правоприменительной практике.

Список литературы

- 1. Геворгян А. А. Сущность принципа добросовестности как оценочной категории в гражданском праве // Новый юридический вестник. 2018. $N ext{0.5}$ (7). С. 15–17.
- 2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 3. Егоров А. В. Платеж третьего лица кредитору помимо его воли // Вестник экономического правосудия. 2016. № 8. С. 150—160.
- 4. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 № $42 \Phi 3$. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- 6. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 02.03.2022 № Φ 03-7605/2021 по делу № A51-7161/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2021 № 05АП-5519/2020, 05АП-6644/2020, 05АП-6544/2020, 05АП-7188/2020 по делу № А51—7161/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347

К вопросу о понятии «государственные и муниципальные нужды» как основания принудительного изъятия земельного участка

Астафьева Александра Сергеевна

студент магистратуры Сибирского юридического университета

Аннотация: В статье рассматриваются основные точки зрения и различные подходы к определению понятия государственных и муниципальных нужд как основания изъятия земельного участка. Анализируются действующее законодательство и научная литература по данному вопросу.

Abstract: The article considers main points of view and various approaches to the definition of the concept of state and municipal needs as a basis for the withdrawal of a land plot. Current legislation and scientific literature on this issue are analyzed.

Ключевые слова: государственные и муниципальные нужды, земельный участок, публичные интересы, принудительное изъятие, основания изъятия.

Keywords: state and municipal needs, land plot, public interests, compulsory seizure, grounds for seizure.

Сегодня применение института изъятия земельных участков (ЗУ) для нужд муниципалитетов и государства у законных добросовестных правообладателей необходимо считать объективной необходимостью и потребностью для государственного развития. Обоснованием развития в системе правового регулирования земельных правоотношений в этой сфере является реализация и защита публичных интересов в качестве социально значимых общественных потребностей.

В ст. 49 ЗК РФ говорится, что изымать землю для муниципальных или государственных нужд можно лишь в ряде случаев, к которым относятся:

- реконструкция и постройка объектов местного либо государственного значения:
- выполнением обязательств по международным договорам.

Также эта процедура может быть проведена по другим причинам, которые закреплены в ФЗ. Вышеуказанные положения позволяют сделать вывод, что у изъятия ЗУ есть открытый перечень оснований.

В практическом применении формулировка этой статьи создает проблему, связанную с определением содержания самого понятия муниципальных и государственных нужд. Оно не содержится ни в ЗК РФ, ни в ГК РФ, ни в других нормативно-правовых актах, как и критерии для его составления.

Необходимо обратить внимание на решения судебных органов, которые дают свое определение публичным интересам в процессе рассмотрения конкретных дел. Например, в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 указано, что публичными необходимо считать интересы круга неопределенных лиц, создание условий для реализации планов по обеспечению безопасности граждан, защите государства, проведению экологических и природоохранных мероприятий. [7]. Суд также задает ориентир для поиска правовых источников, в которых закрепляются данные интересы. Их содержание необходимо искать в формулировках с перечислением целей регулирования определенной сферы социальных отношений в законодательстве. [5].

Интерес представляет также исследование И. О. Красновой. Она считает, что сегодня нужно смотреть на судебную практику. Именно суды провозглашают два взаимосвязанных принципа:

- приоритета публичных интересов;
- баланса частных и публичных интересов.

Такая взаимосвязь означает, что при наличии доказательств, что деятельность, связанная с ограничением частных прав, соответствует публичным интересам, то она должна считаться приоритетной перед частными правами. Но в то же время при ограничении частных прав необходимо стремиться достигнуть баланса между ними и публичными интересами с помощью процедур согласования [4].

Как мы видим, суды, рассматривая различные дела, не только пользуются термином «публичные интересы», но и наполняет его значимым содержанием. При этом стоит отметить, что единого мнения относительно того, что понимается под муниципальными и государственными нуждами суды также не определяют. Это объясняется значительной правовой неопределенностью понятия публичных интересов.

Считаем, что стоит согласиться с Д. В. Верещагиной. Она утверждает, что для избегания превращения института изъятия ЗУ для публичных нужд в инструмент перераспределения ЗУ, необходимо иметь четкое представление о том, что такое муниципальные и госнужды, с помощью каких критериев относить конкретные случаи к их числу [3, с. 63].

С одной стороны, отказ законодателя от прямого использования данной категории оправдывается отсутствием стабильной фактической определенности содержания публичных интересов. Данная правовая неопределенность восполняется судебной практикой, в которой достаточно активно используется категория публичных интересов в качестве доказательства правомерности изъятия ЗУ.

Однако с другой стороны, отсутствие законодательного определения и правовых критериев применительно к отдельным сферам правового регулирования создает условия и риск не возможности достаточно обоснованного ограничения частных интересов и связанных с ними субъективных прав граждан, организаций и иных лиц. Наличие такого конфликта требует вмешательства различных механизмов правового регулирования отношений по изъятию ЗУ, включая как саму законодательную базу, так и судебное толкование.

Перейдем непосредственно к рассмотрению различных подходов к определению муниципальных и государственных нужд.

До настоящего времени в научных кругах не прекращается дискуссия относительно данного понятия. Различными авторами предложено немало формулировок муниципальных и государственных нужд.

Так Р. Г. Аракельян предлагает рассматривать интересующий нас термин в разрезе решения задач органов власти, которые предусмотрены на конституциональном, федеральном, местном уровнях [1]. Автор считает, что перечень оснований для изъятия ЗУ в пользу государства или муници-

палитетов должен быть открытым, в него должны быть включены многие отсутствующие сегодня основания, к примеру, градостроительные нужды.

Практически такого же мнения придерживается и Э. С. Бутаева. Она считает, что муниципальные и госнужды в контексте принудительного прекращения права собственности на ЗУ не стоит ограничивать конкретными объектами из ст. 49 ЗК РФ. Это понятие следует расширить, включив в него основания, связанные с развитием и модернизацией общественной социальной и транспортной инфраструктуры [2].

Е. Л. Поветкина не считает термин «муниципальные и государственные нужды» правильным. По ее мнению, в сознании людей это понятие связано с интересами муниципалитета и государства. В то же время рассматриваемый нами институт предназначен совсем для других целей, а именно для реализации интересов общества публичных интересов[6].

Среди авторов, выступающих за введение определенного законодательного понятия «муниципальные и государственные нужды», имеется две точки зрения.

Ряд ученых считает, что необходимо оставить термин как основание для изъятия 3У, но при этом дать ему конкретное определение.

Так, Д. В. Верещагина предлагает закрепить в законодательстве России такое понятие муниципальных и госнужд — необходимость задействовать ЗУ в процессе выполнения самых важных функций муниципальных или государственных органов, если доказан принцип исключительности ЗУ, то есть невозможность использования вместо него другого ЗУ. Также условием изъятия ЗУ должно быть приоритетное предоставление собственнику изымаемого ЗУ равноценного возмещения и гарантий использования изымаемой земли именно для заявленных публичных целей[3, с. 68—69].

А. Я. Рыженков исходит из того, что публичными нуждами следует считать предусмотренные ФЗ потребности населения государства или отдельного региона, муниципалитета РФ, обеспечить которые невозможно без изъятия ЗУ у частных лиц за справедливую компенсацию и ее перевода в собственность РФ, субъектов и муниципалитетов страны. В дальнейшем земля должна использоваться для размещения инфраструктурных, энергетических, оборонных, заповедных и прочих территорий и прочих необходимых государству и обществу объектов [8].

Позиция других ученых сводится к тому, что вместо муниципальных и государственных нужд необходимо использовать понятие «общественные цели или нужды».

Мы придерживаемся позиции авторов, считающих необходимым закрепить легальное понятие «муниципальные и государственные нужды». При этом нам кажется нецелесообразной позиция авторов, настаивающих на введении понятия «общественные/публичные нужды». Данная категория имеет более широкое значение, чем рассматриваемое нами понятие, а смена терминологии может негативно отразиться на правах владельцев ЗУ.

Кроме того, как уже было сказано выше, ряд ученых считают нецелесообразным закрытие перечня оснований изъятия, так как невозможно описать все потребности, которые могут возникнуть у государства.

С данной точкой зрения нельзя согласиться ввиду того, что уже имеющиеся в законе основания создают предпосылки для расширительного толкования, и потому, на наш взгляд, устанавливать какие-либо иные основания представляется неоправданным.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать общий вывод о том, что под муниципальными и государственными нуждами как основанием принудительного изъятия ЗУ предлагается понимать следующим образом. Муниципальные и государственные нужды являются потребностью государства, субъекта РФ или муниципалитета при условии неукоснительного соблюдения приоритетного правила, по которому владельцу ЗУ предоставляется равноценное возмещение взаимен изымаемого имущества.

Список литературы

- 1. Аракельян Р. Г. Резервирование и изъятие земельных участков в механизме правового регулирования отношений собственности (гражданско-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03/ Аракельян Роберт Грантович. Краснодар, 2007. С. 8.
- 2. Бутаева Э. С. Прекращение права собственности помимо воли собственника: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 8.

- 3. Верещагина Д. В. Вопросу о понятии государственной или муниципальной нужды как основания изъятия земельного участка // Право и государство: теория и практика. 2012. № 4 (30). С. 62–69.
- 4. Краснова И. О. Квалификация публичных интересов при разрешении судами споров об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Экологическое право. 2020. № 2. С. 15.
- 5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2015 г. № 309-ЭС15—6673 по делу № А60—25477/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 6. Поветкина Е. Л. Изъятие имущества для публичных нужд: цивилистические устои и современные тенденции // Закон. 2014. № 2. С. 42—43.
- 7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами отдельных положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 8. Рыженков А. Я. О некоторых проблемах изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в России: проблемы теории и практики // Бизнес. Образование. Право. 2015. № 3(32). С. 230.

УДК 347

Формы несовершенств (пороков) гражданского права

Бекмагамбетова Салтанат Сериковна

студент магистратуры Сибирского юридического университета

Аннотация: Несовершенства (пороки) является новым и недостаточно изученным явлением права. Статья посвящена несовершенствам (порокам), дефектам гражданского права, формам их проявления, а также влиянию качества закона на эффективность правового регулирования. В статье анализируются позиции ученых рассматривающих формы несовершенств (пороков) гражданского права, а также отграничения форм от видов.

Abstract: Imperfections (defects) is a new and insufficiently studied phenomenon of law. The article is devoted to imperfections (defects), defects of civil law, forms of their manifestation, as well as the influence of the quality of the law on the effectiveness of legal regulation. The article analyzes the positions of scientists considering the forms of imperfections (defects) of civil law, as well as distinguishing forms from types.

Ключевые слова: несовершенства (пороки) гражданского права, дефект, формы несовершенств, виды дефектов, качество права, пробел, коллизия.

Keywords: imperfections (defects) of civil law, defect, forms of imperfections, types of defects, quality of law, gap, conflict.

Для национального законодательства такой правовой термин как «несовершенства (пороки)» представляется не новым, вместе с тем более активно исследователями-цивилистами начал изучаться только в новом тысячелетие. Ученые в своих научных трудах формулируют и раскрывают определение и сущность данного правового явления, однако единого и общего подхода не выработано. Выявление, разрешение и предупреждение несовершенств, дефектов гражданского права выступает предметом изучения многих теоретиков. Актуальность исследования заключается в том, что несовершенства (пороки) проявляются в различных формах и негативно отражаются на общественных отношениях, и в целом отрицательно воздействует на правопорядок, что в свою очередь осложняет реализацию субъективных прав и исполнение юридических обязанностей лицами.

Право, выступая идеальным, направлено на действенное регулирование общественных отношений, поэтому при его применении не должно быть изъянов или неточностей. Непосредственно качество права, закона влияет на эффективность применения и регулирования правоотношений и обусловлено многими факторами.

Власенко Н. А. выявляя составные элементы качества формы права, указывал: «Определяющими являются языковая стандартизированность, последовательность изложения и графическая организация нормативного правового текста. Одним из критериев эффективности правового регулирования является максимальное совпадение формы права с волей законодателя, что невозможно без совершенной языковой, логической и графической нормотворческой техники и технологии» [1].

Качество права, законодательства выступает одним из оснований и регуляторов возникновения различных несовершенств (пороков) гражданского права. Эффективность регулирования правоотношений обуславливается преодолением или уменьшением несовершенств (пороков). Несовершенства (пороки) проявляются в различных формах.

Одним из вопросов в доктрине выступает определение форм несовершенств (пороков) гражданского права и разграничение форм от видов дефектов. Ученые придерживаются различных точек зрения, что ведет к отсутствию целостной теории изучаемого правового явления.

Девицкий Э. И. отмечал, что многими авторами различные аспекты дефектности права, исследуются применительно к таким правовым категориям как правовой пробел, правовая неопределенность, правовая коллизия, юридическая (правотворческая) ошибка [2].

Полагаем, к формам проявления несовершенств (пороков) гражданского права можно отнести: пробел в праве, правовую коллизию и правовую неопределенность, однако они относятся к несовершенствам при наличии негативных последствий.

Коллизия юридических норм представляет собой противоречие, столкновение содержания одной нормы права содержанию другой норме, при которой одна правовая норма не дает функционировать другой. Соответственно при проявлении и наличии отрицательного характера коллизия затрудняет применение тех или иных правовых предписаний, что ведет к неэффективному правовому регулированию и неопределенности при выборе применимой нормы. Наличие нескольких правовых норм, регулирующих одни правоотношения, которые в тоже время, не согласованы между собой и вызывают отрицательные последствия, ведет к возникновению дефекта гражданского права.

Другой формой несовершенства (порока) гражданского права является правовой пробел, ведущий к невозможности правового регулирования возникших общественных отношений.

Пробел в праве заключается в отсутствие, недостаточности нормы права, регулирующей определенные правоотношения. Однако также как и, с вышеназванной формой дефекта, правовой пробел может стать фор-

мой несовершенства (порока) гражданского права только при наличии негативных правовых последствий.

Правовая неопределённость является несовершенством (пороком) гражданского права при ее негативном проявлении, поскольку представляет собой положение, при котором норма права, регулирующая соответственные отношения существует, однако ее применение невозможно или непонятно, впоследствии чего возникает дефект правореализации.

Кожокарь И. П. отмечал, что нормативно-правовые дефекты, хотя и пересекаются с указанными правовыми недостатками, имеют свое собственное содержание и возглавляют самостоятельный понятийный ряд, к которому субординируются правовые неопределенности, коллизии, неясности, пробелы, алогизмы и другие недостатки нормативно-правовой материи [3].

Цыбуляк С. И. в своей работе предлагает разделить дефекты на пробелы в праве, противоречия (коллизии) правовых норм, неопределенность правового регулирования, нарушения требований юридической техники при построении текстов нормативных актов, нерациональное размещение норм в системе права, чрезмерное дублирование правил поведения в актах разной юридической силы, избыточное правовое регулирование [4].

Следует также учитывать, что несовершенства (пороки) гражданского права носят негативный характер, вызывают отрицательный результат и возникают не всегда в последствии действий субъектов права, а порой обусловлены характером общественных правоотношений, объективными, не зависящими от воли человека причинами. Также необходимо помнить, что с течением времени и развитием человечества законодатель не может предусмотреть все отношения, которые потенциально могут возникнуть, но не регулируются действующими нормами права.

Изучив различные точки зрения, позиции ученых можно сделать вывод, что формы и виды несовершенств (пороков) гражданского права многие правоведы отождествляют между собой и не проводят разграничений, а также, что данное правовое явление изучено не в полном объеме, однако исследование и формирование однообразной позиции, а также устранение недостатков (пороков) является одной из важных задач науки и теории.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что на сегодняшний день в доктрине и научной литературе не выработано единого подхода к определению форм несовершенств (пороков) гражданского права. Более того, возникают дискуссии по разграничения форм от видов несовершенств. В целях предотвращения и преодоления такого правового явления как «дефект гражданского права» необходимо изучать формы и виды несовершенств (пороков), дефектов, поэтому определение форм несовершенств (пороков) гражданского права являются актуальной темой и устранение данного правового явления имеет большое значение для развития общества и совершенствования законодательства.

Список литературы

- 1. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения //Журнал российского права. 2013. № 2. С. 39.
- 2. Девицкий Э. И. Базовые дефекты как основа выявления концептуальных недостатков нормативных правовых актов // Пролог: журнал о праве. 2018. № 4. С 5.
- 3. Кожокарь И. П. О правовых дефектах и правовой дефектологии //Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 577.
- 4. Цыбуляк С. И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации: автореф дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 12.

УДК 34.341

Эмбрион как элемент гражданских правоотношений

Володина Яна Александровна

магистрант Сибирского юридического университета

Аннотация: В представленной статье автором рассматриваются важнейший вопрос современного национального и международного права о правовом статусе эмбриона.

В настоящее время правовому положению эмбриона не дается единой оценки ни учеными-правоведами, ни нормативными актами международного и национального права. Исследуются различные точки зрения ученых относительно отношения эмбриона к субъекту или объекту правоотношений, с помощью разного рода подходов. Проанализировав соответствующую научную литературу, напрашивается вывод о том, что строгой определенности в применении данного термина нет. Также автором было внесено предложение о внесении презумпции относительно эмбриона в действующее российское законодательство.

Abstract: In the presented article the author considers the most important issue of modern national and international law on the legal status of the embryo. Currently, the legal status of the embryo is not given a unified assessment neither by legal scholars, nor by normative acts of international and national law. Different points of view of scientists regarding the relationship of the embryo to the subject or object of legal relations are studied with different kinds of approaches. Having analyzed the relevant scientific literature, the conclusion is that there is no strict certainty in the application of this term. The author also made a proposal to introduce the presumption regarding the embryo into the current Russian legislation.

Ключевые слова: суррогатное материнство, понятие «эмбрион», правовой статус эмбриона, эмбрион — элемент гражданских правоотношений.

Keywords: surrogate motherhood, the concept of «embryo», the legal status of the embryo, the embryo is an element of civil legal relations.

С каждым годом суррогатное материнство приобретает все большее распространение. Уже сейчас только в нашей стране насчитывается примерно 30 лабораторий по экстракорпоральному оплодотворению. В то же время, к числу вопросов, который обладает в указанном аспекте особой значимостью, стоит отнести вопрос о том, каким правовым статусом будет обладать эмбрион? Дискуссионность данного вопроса обусловлена тем, что единства мнений по этому вопросу сегодня не существует, однозначно это не определено и в нормативно-правовых актах. Однако особый интерес все же представляет ответ на вопрос о том, будет ли эмбрион объектом или субъектом в правоотношениях? Полагаем, что ответ на указанный вопрос стоит формировать с учетом того, что представляет собой эмбрион с точки зрения медицины.

Системный анализ соответствующей литературы показывает, что под эмбрионом в большей части случаев понимают животный организм на ранней стадии своего развития [7]. Однако применительно к человеку, до

14 дней с момента зачатия человеческий зародыш не является эмбрионом, так как представляет собой лишь сгусток клеток, а в качестве такового его можно назвать, начиная с 8 недель с момента зачатия. После 8 недель и до момента рождения говорят о плоде [5]. В свою очередь, в праве под данным понятием понимают организм, который существует с момента зачатия и до момента его рождения.

Одновременно с этим, анализ юридической литературы по указанной теме исследования показывает, что существует два подхода к пониманию эмбриона. Согласно первому, под эмбрионом понимают субъект права, в том числе, выступающий в качестве полноправного участника правоотношений, приравненного к человеку. В соответствии со вторым подходом, его стоит рассматривать как объект права, а именно, как элемент организма матери наравне с тканями и органами человека и как вещь, в отношении которой могут возникнуть правоотношения, имеющие имущественный характер. Так, рассматривая первую позицию, в соответствии с которой, эмбрион является субъектом правоотношений, можно выразить несогласие с ней, так как той или иной участник правоотношений должен быть личностью, которая имеет правосубъектность, однако эмбрион таковой не обладает. Несмотря на то, что в научной литературе утверждается, что эмбрион вполне представляет собой личность, которая нуждается в охране [2], полагаем, что это не так, так как личность может существовать при наличии у нее некоторых качеств, к числу которых относят память, самосознание, осознание своего будущего и иных. Вполне естественно, что эмбрион не обладает данными качествами, в связи с чем, речь целесообразно вести об охране эмбриона как начала человеческой жизни, а не субъекта права.

Что касается изучения эмбриона с позиции объекта, стоит отметить, что в Федеральном законе от 22.12.1992 г. № 4180 «О трансплантации органов и(или) тканей человека» эмбрионы не рассматривают как ткань или орган человека, что подтверждает его особый правовой статус [10]. В связи с теми положениями, которые были изучены ранее и согласно которым, любой эмбрион является началом человеческой жизни, именно с данной позиции его и стоит рассматривать в дальнейшем. Данный вывод подтверждается и точкой зрения А. В. Майфата, который указывал, что эмбрион уже есть жизнь, однако он не обладает правоспособностью [6].

Эмбрионы планомерно становятся предметами имущественных споров, ярким примером является дело Дэвисов, в рамках которого рассматривался спор о контроле над замороженными эмбрионами на фоне расторжения брака [9]. Стоит отметить, что дело решилось в пользу супруги, так как суд решил, что эмбрионы часть матери, которая временно находятся вне ее организма. Более того, интерес представляет то, что судом было установлено, что жизнь человека начинается уже с момента зачатия, а ткани эмбриона обладают такими качествами, как уникальность, индивидуальность и иными и не могут выступать в качестве объекта права собственности, делящегося в тех случаях, когда супруги осуществляет раздел совместно нажитого имущества. Таким образом, в юридической практике был сформирован прецедент, состоящий в том, что эмбрион человека объектом права собственности выступать не может, так как он является началом человеческой жизни. Полагаем, что в связи с этим, эмбрионы действительно, не могут выступать в качестве одного из элементов общего имущества, которое принадлежит супругам и которые могут быть поделены в рамках раздела их имущества. Как следствие, стоит говорить не об объекте или субъекте правоотношений, а обо особом субъекте права, который, в то же время, выступает в качестве косвенного участника правоотношений.

Рассматривая данный вопрос применительно к правовому институту суррогатного материнства, полагаем, что в том случае, если суррогатная мать примет решение о том, чтобы оставить ребенка себе, а не передать его, то все наследственные правоотношения будут возникать между ней, этим ребенком их ее родственников, так как речь в данном случае идет о наличии у матери в отношении данного ребенка родительских прав. Полагаем, что американская правовая мысль признает то, что эмбрион выступает в качестве и объекта правоотношений, но особое внимание, как и ранее, акцентируется на том, что данный объект правоотношений весьма специфичен. Более того, внимание в этом аспекте также акцентируется и на том, что эмбрион всегда выступает в качестве начала человеческой жизни, что также необходимо учитывать, в том числе, российскому правоприменителю.

Обращая внимание на то, что эмбрион некоторые учены рассматривают в качестве вещи, полагаем, что назвать это правильным или этич-

ным нельзя, так как это не соответствует Конвенции о правах человека в биомедицине 1997 г., так как в ст. 21 данного документа отмечается, что тело человека и его части не должны выступать в качестве источника финансовой выгоды [4]. Не согласиться с этим весьма затруднительно. Стоит согласиться также и с тем, что эмбрион стоит рассматривать как часть организма матери, так как это подтверждается не только делом Дэвисов, но и практикой Европейского суда по правам человека [8]. Так, по делу Ведевтаппана Scheuten v. Germany судом было указано, что жизнь эмбриона имеет достаточно тесную связь с жизнью беременной женщины и в отрыве от нее рассматриваться не может. Стоит отметить, что законодательство нашей страны планомерно идет в этом направлении, так как системный анализ нормативных актов показывает, что эмбрион не является человеком, в частности, это косвенно следует из ч. 2 ст. 17 Конституции РФ [3].

Это позволяет сформулировать вывод о том, что человек, который еще не родился, по законодательству нашей страны субъектом права не является и юридических прав у него нет. Одновременно с этим, наличие данной двойственности правовой природы эмбриона порождает ряд существенных правовых проблем, так как на ее фоне не совсем понятно, будет ли являться эмбрион объектом правоотношений, включая имущественные отношения. На фоне дискуссий по этому поводу, все чаще можно встретить точку зрения о том, что стоит урегулировать данный вопрос на законодательном уровне [1].

В связи с этим, предлагается наделить человеческого эмбриона ограниченной правоспособностью и закрепить данные положения в правовых актах нашей страны, в том числе, в Конституции РФ. Регламентации требует и право на рождение, что вполне можно будет рассматривать с точки зрения конституционной гарантии правоспособности лица, которое было зачато, но не было рождено. Полагаем, что текст такой презумпции может звучать как то, что человек, который родился живым, будет правоспособным с момента зачатия. Это связано с тем, что еще до рождения эмбрион обладает всеми признаками жизнеспособности, а также тем, что сегодня уже существуют некоторые положения, которые непосредственно касаются защиты прав эмбриона человека. Как следствие, стоит развивать законодательство в этой сфере.

Список литературы

- 1. Ковалев М. И. Правовые вопросы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека. / М. И. Ковалев. Екатеринбург, 1996. С. 70.
- 2. Кольбе А., Клопфер М. Основы этики (электронный ресурс). Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/klopfer_osnovi (дата обращения 14.06.2023 г.).
- 3. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Г. Д. Садовниковой. М.: Юрайт-Издат, 2006. С. 10.
- 4. Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине. 4 апреля 1997 г. Овьедо (электронный ресурс). Режим доступа: http://echr.base.ru/international. jsp, (дата обращения 14.06.2023 г.).
- 5. Курило Л. Ф. Развитие эмбриона человека и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукци Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. М.: Прогресс, 1999. С. 388.и (электронный ресурс). Режим доступа: http://nature.web.ru/db/msg.html (дата обращения 16.06.2023 г.).
- 6. Майфат А. В. «Суррогатное материнство» и иные формы репродуктивной деятельности в новом Семейном кодексе Российской Федерации / А. В. Майфат // Юрид. мир. 2000. № 2. С. 29.
- 7. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. М.: Прогресс, 1999. С. 388.
- 8. Отдельные вопросы применения статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года в практике Европейского суда по правам человека (электронный ресурс). Режим доступа: http://www.sutyajnik.ru/rus/echr. (дата обращения 16.06.2023 г.).
- 9. Романовский Г. Б. Конституционные права человека и современные биотехнологии // Конституционное и муниципальное право.— 2013.— № 5. С. 27—32.
- 10. Ст. 2 Закон РФ от 22.12.1992 N 4180—1 (ред. от 29.11.2007) «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

УДК 347.772

Незаконное использование товарного знака: анализ судебной практики

Пшембаева Айгерым Мукановна

студент магистратуры Сибирского юридического университета

Аннотация: В статье анализированы теоретические и практические аспекты незаконного использования товарного знака и ответственность в гражданском праве. С этим и связана очевидная необходимость надлежащего правового регулирования института исключительного права. Система современного законодательства значительное внимание уделяет защите исключительных прав, одним из которых является право на товарный знак. Тенденции современного общественного развития отражают стремительный рост электронной торговли информационной продукцией, в связи с этим возникает необходимость переосмысления самой сущности и роли исключительного права в защите общественных и индивидуальных интересов субъектов, обладающих определенными правами на товарный знак. Изучена судебная практика по заявленной проблематике.

Abstract: The article analyzes theoretical and practical aspects of illegal use of trademark and liability in civil law, which determines the obvious necessity of proper legal regulation of the institute of exclusive right. The system of modern legislation pays considerable attention to the protection of exclusive rights, one of which is the right to a trademark. Trends of modern social development reflect the rapid growth of electronic trade in information products, in this connection there is a need to rethink the very essence and role of the exclusive right in the protection of public and individual interests of subjects with certain rights to a trademark. The judicial practice on the stated problematic has been studied.

Ключевые слова: исключительное право, товарный знак, незаконное использование, реклама, правовая охрана, реализация права, ответственность.

Keywords: exclusive right, trademark, illegal use, advertising, legal protection, implementation of the right, responsibility.

Современное развитие общества наглядно показывает, что интеллектуальная сфера жизнедеятельности представляет одно из центральных направлений развития, а также является важнейшим государственным ресурсом. С этим и связана очевидная необходимость надлежащего правового

регулирования института исключительного права. Система современного законодательства значительное внимание уделяет защите исключительных прав, одним из которых является право на товарный знак. Институт реализации права на товарный знак является относительно новым для гражданского права. Тенденции современного общественного развития отражают стремительный рост электронной торговли информационной продукцией, в связи с этим возникает необходимость переосмысления самой сущности и роли исключительного права в защите общественных и индивидуальных интересов субъектов, обладающих определенными правами на товарный знак.

Товарный знак играет особую роль во взаимоотношениях между производителем и потребителем, поскольку может применяться любым законным способом, в том числе в рекламе, в сети Интернет. При этом в ст. 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее — Закон о рекламе) закреплено понятие рекламы, в соответствии с которым рекламой признаётся информация, распространённая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования [1]. Отсюда следует, что товарные знаки используются в различных видах рекламы, в таких как, теле- и радиопередачах, наружной рекламе (на щитах, стендах, электронных табло).

Обобщая вышеизложенное, важно добавить, что и рекламодатель, и рекламопроизводитель обязаны использовать товарный знак с соблюдением законодательства Российской Федерации. В случае, если рекламодатель или рекламопроизводитель незаконно использует товарный знак в рекламе, то на данное лицо в установленном порядке может быть возложена гражданско-правовая и(или) административная ответственность [2].

В настоящее время сложившаяся судебная практика предоставляет правовую охрану товарным знакам, используемым в том числе и в рекламе в сети Интернет. Такая защита предоставляется товарный знак, незаконно используемым в контекстной рекламе на поисковых страницах сайтов «Яндекс», «Google», и других поисковых систем, а также товарным знакам, используемым в рекламе на иных сайтах.

Так, Решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 17 апреля 2019 г. по делу № А56—143727/2018 были удовлетворены требования владельца товарного знака «ФОПС» к администратору сайта www.bmto.ru о взыскании компенсации за нарушение права. На указанном сайте было размещено рекламное объявление о продаже фильтров «ФОПС» для очистки сточной воды в виде заголовка одной из страниц сайта. Аналогичное объявление было размещено в рекламе сайта ответчика в поисковой системе «Яндекс» [4].

В обоснование своих требований истец представил нотариально заверенный протокол осмотра сайтов www.bmto.ru и «Яндекс», свидетельство о регистрации товарного знака. А также указал, что ответчик на принадлежащем ему сайте разместил рекламу товаров с использованием товарного знака ФОПС». При этом данные товары аналогичны товарам, реализуемым истцом, вследствие чего действия ответчика вводят потребителей в заблуждение относительно принадлежности товара к конкретному производителю.

Удовлетворяя исковые требования, суд указал, что ответчик является администратором сайта www.bmto.ru и использование ресурсов сайта находится под его контролем, ответчик также осуществляет размещение информации на данном сайте и обеспечивает доступ к ней. В связи с этим, именно данное лицо несёт ответственность за возможные нарушения прав третьих лиц, связанные с размещением какой-либо информации на принадлежащем ему сайте.

Суд также установил, что использованное ответчиком обозначения схожего до степени смешения с товарным знаком истца и пришел к выводу о том, что действия ответчика создают реальную возможность смешения в глазах потребителей спорного обозначения ответчика в качестве товарного знака истца. Аналогичные выводы были сделаны судами и в других делах: Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 14 мая 2018 г. по делу № A56-109109/2017 [5], Постановление Второго Арбитражного Апелляционного суда от 30 июля 2020 г. по делу № A82-17779/2019 и в других судебных постановлениях [6]. Необходимо отметить, что суды, определяя размер компенсации за нарушение права на товарный знак, исследуют такие обстоятельства как степень

общеизвестности товарного знака, длительность нарушения прав истца и степень причиненного ущерба. Оценивая степень общеизвестности товарного знака, суд вправе ссылаться на социологические опросы, проведенные ВЦИОМ или другими организациями, а также суд имеет право оценивать степень общеизвестности товарного знака, а также степень смешения этого товарного знака, с точки зрения ассоциативных связей рядового потребителя. В данном случае такая оценка при принятии судом решения может быть приоритетнее чем оценка, произведенная с точки зрения научного подхода (лингвистические, или иные экспертизы).

В конце февраля — начале марта 2022 года странами Запада были приняты ограничительные (политические и экономические) меры, введенные против РФ. Такая напряженная ситуация на международной арене некоторым образом повлияла и на правоприменительную практику взыскания судами компенсации за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Некоторые суды в первой инстанции отказывали истцам — юридическим лицам, зарегистрированным и ведущим деятельность в Соединенных Штатах Америки и других иностранных государствах, во взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки и произведения, истолковав их действия как злоупотребление правом в связи с ограничениями, введенными в отношении РФ, и статусом истца, руководствуясь Указом Президента РФ от 28.02.2022 № 79 [3] (в качестве примера можно привести дело № А84—453/2022 [7], дело № А28—11930/2021 [8]).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что для реализации права на судебную защиту товарного знака от чужого незаконного использования истцу необходимо доказать следующие обстоятельства: обладание истцом исключительным правом на использование товарного знака; нарушение ответчиком указанного права путем использования товарного знака, схожего с принадлежащим истцу товарного знака применительно к аналогичным товарам, работам, услугам; данное использование вводит потребителей в заблуждение относительно принадлежности товара к конкретному обладателю товарного знака. Надлежащим ответчиком в данной категории дел, связанных с неправомерным использованием товарного знака в рекламе и в сети интернет, обычно является лицо, осуществляющее

незаконное распространение рекламы, а именно, разместившее такую рекламу: рекламодатель.

Список литературы

- 1. О рекламе: федеральный закон: [от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (с пос. изм. и доп.)]. Текст: электронный // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968 (дата обращения: 13.06.2023).
- 2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон: [от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с пос. изм. и доп.)]. Текст: электронный // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 13.06.2023).
- 3. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций: указ Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1465.
- 4. О взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак: решение № А56—143727/2018 Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/d3f47e04-a4ff-4a82-a105—6eb4573be355 (дата обращения: 18.06.2023).
- 5. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 14 мая 2018 г. по делу № А56—109109/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/7f4749b8—9f31—45b3—9970—05d9208c4f01.
- 6. Постановление Второго Арбитражного Апелляционного суда от 30 июля 2020 г. по делу № A82—17779/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/f4302186-c29f-4552-ad62—29eaf5644517.
- 7. Решение Арбитражного суда города Севастополя от 13 апреля 2022 по делу № A84—453/2022. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc&base=RAPS021&n=29726#Vh6VXiTqPMzGDckd (дата обращения: 20.06.2023).

- 8. Решение Арбитражного суда Кировской области от 03.03.2022 по делу № A28—11930/2021. URL: https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/ (дата обращения: 20.06.2023).
- 9. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2017), утв. Президиумом Верховного суда РФ 12.07.2017.

УДК 34

Административные регламенты в правоохранительных органах: проблемы применения

Скрынникова Анастасия Сергеевна

студент Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

Казаева Дарья Евгеньевна

студент Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

Аннотация: Статья посвящена общим понятиям и значению административных регламентов. Был проведен анализ проблем правоприменения административных регламентов в федеральных органах власти. Рассмотрена роль административных регламентов, регулирующих деятельность служащих государственных и муниципальных органов. Был сделан вывод о том, что введение критериев деятельности муниципальных и государственных служащих предотвращает преступления коррупционной направленности.

Abstract: The article is devoted to the general concepts and meaning of administrative regulations. The problems of law enforcement of administrative regulations in federal authorities have been analyzed. The role of administrative regulations regulating the activities of employees of state and municipal bodies was considered. It was concluded that the introduction of criteria for the activities of municipal and state employees prevents corruption offenses.

Ключевые слова: регламент, административный регламент, исполнительные органы, полномочия органов власти.

Keywords: regulations, administrative regulations, executive bodies, powers of authorities.

В обеспечении эффективности государственного управления введение административных регламентов стало важным шагом. В ходе административной реформы остро осозналась необходимость усиления законодательного регулирования административных процедур — порядка осуществления действий органами исполнительной власти в целях реализации своей компетенции.

С помощью административных регламентов регулируется деятельность служащих исполнительных органов. Именно размытость полномочий государственных и муниципальных служащих обеспечивает формирование благодатной почвы для процветания коррупции.

Можно сказать, что одной из проблем применения административных регламентов правоохранительных органов в Российской Федерации является проявление коррупционной составляющей в деятельности органов государственной власти, что осложняет становление прогрессивной экономики, социальной политики и всего правового общества в целом. Одним из негативных проявлений комментируемого явления то, что проникая в структуру государственной власти федерального уровня, коррупция не только негативно сказывается на эффективности государственного управления, но также подрывает доверие населения к органам власти, благодаря чему ставятся под сомнение принципы законности, справедливости. Проявляется это в первую очередь в том, что у должностных лиц государственных органов власти появляются дискреционные полномочия, позволяющие им действовать в рамках личного усмотрения.

Подтверждением вышеуказанному служат имеющиеся проблемы в процессе противодействия коррупции в России. Так, Международная организация по борьбе с коррупцией в рамках анализа «индекса восприятия коррупции» за 2021 год указывает, что Россия имеет 29 баллов из 100 возможных восприятия, в 2020 году этот показатель составлял 30 баллов. В результате, по индексу восприятия коррупции, Российская Федерация находится на 136 месте из 180, что в свою очередь указывает на достаточно высокий коррупционный уровень [2, с. 347].

Таким образом, административные регламенты призваны установить стандарты предоставления государственных и муниципальных услуг служащими, тем самым обеспечить законность и эффективность принимае-

мых решений и действий, обеспечить их прозрачность. Административные регламенты призваны предотвратить произвол административного усмотрения и ввести правовые критерии деятельности государственных и муниципальных служащих.

Именно качество, последующая эффективность и достижение поставленных целей административных регламентов, определяет эффективность работы самого органа исполнительной власти.

Несомненно, на сегодняшний день применение административных регламентов в различных сферах жизнедеятельности целесообразно и необходимо, но детальное рассмотрении вопроса выявляет еще некоторые проблемы. К ним относятся превышение полномочий, бездействие органов местного самоуправления в части принятия административных регламентов, в том числе несоблюдение требований к структуре и содержанию административных регламентов, нарушение порядка подчиненности правовых актов, нарушение отдельных положений уже принятых административных регламентов сотрудниками правоохранительных органов, а также требований для регулирования отдельных административных процедур.

Указанные проблемы можно решить своевременным реагированием государственных органов, проведением соответствующих ревизий, проверок.

Таким образом, решение указанных проблем должно быть осуществлено на федеральном уровне посредством детализации отдельных требований к административным регламента.

Важным условием гармоничного развития института административных регламентов является закрепление единого статуса административного регламента предоставления государственных услуг и административную регламента исполнения государственных функций, установление комплекса требований к видам регламентов и определение места административных регламентов в системе нормативных актов Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»// Собрание законодательства Российской Федерации.— 2010.— № 31.— Ст. 4179.

- 2. Беляева Г. С., Нинциева Т. М., Якимова И. Н. Сущность административных регламентов как актов управления // Право и государство: теория и практика.— 2020.— № 5 (185). С. 167.
- 3. Горбунова Коршунова, И. В. Административный регламент как основной способ закрепления административной процедуры: проблемы юридической регламентации административно-процедурных отношений / И. В. Горбунова Коршунова // Право и законность: вопросы теории и практики: Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 23—24 апреля 2021 года. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2021. С. 8—9.
- 4. Косырев А. П. Роль административных регламентов в регулировании административных процедур / А. П. Косырев // Актуальные проблемы становления и развития правовой системы Российской Федерации: Сборник материалов, Сыктывкар, 01—02 апреля 2021 года. Сыктывкар: Издательство СГУ им. Питирима Сорокина», 2021. С. 98—102.
- 5. Поляк, О. Ю. Проблемы применения административных регламентов при осуществлении государственного контроля и надзора / О. Ю. Поляк // Наука и образование в эпоху перемен: перспективы развития, новые парадигмы: Материалы X Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15 июля 2022 года. Том Часть 1. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Манускрипт», 2022. С. 323—325.

УДК 343.3

Актуальные вопросы противодействия экстремизму в сети Интернет в условиях внешнеполитической нестабильности

Багуцкий Николай Владимирович

доцент кафедры Уголовного права и криминологии Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

Дадаева Юлия Владимировна

доцент кафедры Уголовного права и криминологии Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

Аннотация: В статье исследуются вопросы, связанные с особенностями противодействия экстремизму в сети Интернет. Приводятся данные правовой статистики преступлений экстремистской направленности, показывающие ее резкий рост в текущей сложной внешнеполитической обстановке. Отмечается, что рост экстремистских настроений в виртуальной реальности является предпосылкой процесса модернизации уголовного законодательства, в том числе внесение изменений в ст. 282 УК РФ.

Abstract: The article studies the issues related to the peculiarities of countering extremism on the Internet. The data of legal statistics of extremist crimes are given, showing its sharp growth in the current difficult foreign policy environment. It is noted that the growth of extremist sentiments in virtual reality is a prerequisite for the process of modernization of criminal legislation, including amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: экстремизм, идеология экстремизма, противодействие экстремизму, Интернет, социальные сети.

Keywords: extremism, ideology of extremism, counteraction to extremism, Internet, social networks.

Эскалация экстремизма, появление и беспрецедентная активность организаций экстремистской направленности — очевидная и опасная тенденция, стремительно развивающаяся как на мировой арене, так и на территории Российской Федерации. В связи с этим проблема противодействия

экстремизму в целях обеспечения национальной безопасности на государственном уровне представляется одной из стратегически важных задач, стоящих перед российским государством.

Изучая официальные статистические данные, можно сделать вывод о ежегодном и неуклонном росте криминальных проявлений экстремизма [1], начиная с 2013 года — в среднем на 17,3%. Однако в 2019 году, в связи с введением административной преюдиции в нормы статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), отмечается предельно низкое значение зарегистрированных «экстремистских» преступлений (585). Отрицательные темпы роста преступлений экстремистской направленности наблюдались также в 2020, 2021 гг. Вместе с тем резкий рост преступности в исследуемой сфере зафиксирован в 2022 г. Так, было зарегистрировано 2233 преступления террористического характера (+4,5%) и 1566 преступлений экстремистской направленности (+48,2%). На лидирующих позициях по зарегистрированным преступлениям экстремистского характера — г. Москва (280), Ставропольский край (60), Республика Дагестан (56). [2]

Проведенный анализ статистических данных позволяет выделить следующие основные аспекты этого общественно опасного явления:

- во-первых, происходит ежегодное увеличение регистрируемых преступлений экстремистского характера;
- во-вторых, влияние на увеличение преступных деяний оказывает развитие web-технологий и повсеместная информатизация общества, позволяющая идеологам экстремизма использовать интернет-площадки для популяризации своих идей.

Интернет в целом является активным средством пропаганды и насильственной радикализации, способствуя распространению экстремистской идеологии. Экстремистские группировки сегодня широко распространены в Интернете и используют это киберпространство различными способами — от онлайн-вербовки до трансляции и тиражирования насильственного контента. Так, в настоящее время растет использование экстремистами пространства популярных социальных сетей: ВКонтакте, Instagram, Facebook и Twitter с дополнительным проникновением на You-Tube, каждая из которых, в той или иной степени, используется для про-

паганды. Также активное распространение экстремистских материалов идет через создание групповых чатов и приватных каналов в мессенджерах Telegram. Этот мессенджер позволяет вовлекать и в дальнейшем вербовать «случайных» людей в противоправную деятельность экстремистского или террористического характера [3].

Почему идеологи экстремизма отдают предпочтение именно «онлайнэкстремизму»? Полагаем, что это происходит из-за простоты и доступности в использовании сетевых ресурсов, создания аккаунтов, блогов, групп в социальных сетях с минимальными затратами либо вообще без таковых. Такая упрощенность процедуры в совокупности с безграничными психологическими возможностями глобальной сети деструктивного воздействия на сознание людей, как я считаю, позволяет приверженцам экстремизма максимально эффективно использовать весь потенциал интернет-пространства для достижения своего преступного замысла.

Причины широкого распространения «онлайн-экстремизма» многообразны. Приведем те, которые, по нашему мнению, являются основополагающими и требующими государственного и общественного внимания: напряженные межрелигиозные и межнациональные отношения; нестабильность политической обстановки; низкая организация и, как следствие, неэффективность мероприятий по предупреждению распространения экстремисткой информации в сети Интернет. Все это подтверждается и недавними событиями на политической арене. Так, начало специальной военной операции на Украине в 2022 году стало логичным следствием активного распространения и опубликования пользователями сети Интернет, в частности пользователями социальных сетей и мессенджеров, не только не соответствующей действительности информации о ходе ведения СВО, но и текстовых, аудио- и видеофайлов, содержание которых обладает экстремистской направленностью в отношении граждан государств-участников операции. Уже в марте 2022 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) была осуществлена блокировка деятельности американской компании Meta Platforms, которая владеет сервисами Facebook, Instagram, WhatsApp. Причиной блокировки и признания компании «экстремистской организацией» являлись «незаконные призывы к наси-

лию в отношении граждан Российской Федерации» [4]. Однако полагаем, что введение подобных ограничений для пользователей площадок различных социальных сетей и в целом интернет-пространства, не явилось частным следствием сокращения количества преступлений с признаками экстремистской направленности.

Бесспорно, рост экстремистских настроений в виртуальной реальности является предпосылкой процесса модернизации уголовного законодательства, поскольку несовершенство имеющихся правовых норм и их неспособность противодействовать появлению и популяризации идей экстремизма, оказывает значительное влияние на сознание не только психологически нестабильных лиц, но и здоровых в психологическом плане представителей молодежи, которые входят в «группу риска», и иных пользователей социальных сетей и интернет-сообщества в целом, что только увеличивает негативный потенциал экстремизма.

Несмотря на то, что базовой основой антиэкстремистского законодательства является статья 282 УК РФ, анализ ее конструкции и практики правоприменения позволяет сделать вывод о том, что данная основа не имеет прочного «фундамента» ввиду размытости и неясности содержащихся в ней дефиниций, что создает благоприятную среду для разночтения и юридически неверного толкования диспозиции статьи 282 УК РФ.

Прежде всего, речь идет о таких понятиях, как «ненависть» и «вражда», содержание которых не было раскрыто в диспозиции исследуемой уголовно-правовой нормы, а в толковых словарях они раскрываются одно через другое [5]. Некоторые представители юридической науки не считают целесообразным детальное разграничение данных понятий, поскольку преступные действия квалифицируются в рамках одной статьи. Однако позволим себе не согласиться с приведенной позицией, поскольку полагаем, что понятия «ненависть» и «вражда» в аспекте применения статьи 282 УК РФ хоть и не являются диаметрально противоположными, но отличаются в аспекте возможных последствий, к которым они могут привести.

В качестве примера приведем приговор Кызылского городского суда Республики Тыва от 19 февраля 2019 года, по которому у несовершеннолетней И. А. О. возникла ненависть к представителям одной из наций, но которая не проявилась в активных поведенческих действиях против ее

представителей [6]. То есть, ненависть — это особое психоэмоциональное состояние на уровне органов чувств, которое не характеризуется активными действиями, в отличие от вражды, предполагающей уже действительное, наличное негативное поведение в отношении, например, социальной группы. Такой подход законодателя к определению механизма реализации рассматриваемой уголовно-правовой нормы, привел к ее фиктивности, то есть de-jure норма есть, а de-facto — правоприменитель вынужден искать пути и способы ее реализации, что логично приводит к должностному произволу в связи со «свободой усмотрения».

Поэтому борьба с экстремизмом в этих условиях не может ограничиваться рамочными, декларативными нормами. Необходимо активизировать усилия по совершенствованию антиэкстремистского, в частности, уголовного законодательства. В этой связи логичным видится считать совершение преступления экстремистской направленности с использованием глобальной компьютерной сети в качестве признака, отягчающего ответственность, ввиду повышенной общественной опасности такого механизма совершения преступления. Также предлагаем формулировку «...в том числе с использованием ... информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»...» исключить из диспозиций частей 1 и 2 статьи 282 УК РФ, добавив ее в качестве пункта «г» части 2 данной статьи в качестве квалифицирующего признака.

Подводя итог, отметим, что причина недостаточно эффективной борьбы государства и общества с экстремизмом заключается в том, что в обществе еще не до конца сформировалось стойкое негативное отношение к различным его проявлениям, не осознана опасность крайних взглядов и действий для самих основ российской государственности.

Также, придерживаемся позиции того, что, возлагая вину за насильственную радикализацию на глобальную сеть Интернет, как виртуального посредника между лидерами деструктивных движений и потенциальными жертвами, нельзя с высокой долей вероятности утверждать о том, что устранение данного фактора, путем, например, отключения информационной сети, положило бы конец актуальной и острой проблеме существования и дальнейшего распространения оппозиционных идеологий. Равным образом, устранение откровенно опасных высказываний в сети

Интернет само по себе не гарантирует решения проблемы, которая, очевидно, имеет глубинные и более глубокие измерения. Следует проводить эффективную работу, направленную на противодействие и профилактику оффлайн-проявлений экстремизма, в том числе выявление и устранение причин и условий, способствующих его появлению и распространению.

Список литературы

- 1. Портал правовой статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart. (дата обращения: 15.03.2023).
- 2. Портал правовой статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения: 15.03.2023).
- 3. Малакаев, О. С. Экстремизм в социальных сетях / О. С. Малакаев // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий.— 2018.— № 2 (37). С. 83—86. Донской Д.Д. К вопросу об экстремизме в интернете: теоретические аспекты / Д. Д. Донской, Д. Б. Ильясов // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 166—170.
- 4. Информация по делу № 02-2473/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы: сайт. URL: https://goo.su/q1G8bK (дата обращения: 16.03.2023).
- 5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100~000~ слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; 26-е изд., испр. и доп. M.: Оникс, 2009.— 1359~ с.
- 6. Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва № 1-21/2019 1-297/2018 от 13 февраля 2019 г. по делу № 1-21/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/730xjWwxlZWT/ (дата обращения: 15.03.2023).

УДК 341

Проблемы определения личного статута иностранных юридических лиц

Искевич Ирина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Международного права Тамбовского государственного технического университета

Чернокозинский Михаил Владимирович

магистрант Тамбовского государственного технического университета

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы, связанные с определением личного статута иностранных юридических лиц. Были изучены основные дефиниции по теме, такие как: «личный статут» и «национальность». Раскрыты вопросы «о правосубъектности зарубежных юридических лиц» и «допуску к хозяйственной деятельности, а также правила данной деятельности» и вопрос «регулирования внутренней среды таких юридических лиц». Также была проанализирована нормативная составляющая по данной теме и разные точки зрения учёных, компетентных в вопросах, поставленных в теме, на основе чего и было сформулирована наша точка зрения, по актуальным проблемам темы.

Abstract: The article considers the issues related to the definition of personal statute of foreign legal entities. The main definitions on the topic were studied, such as: "personal statute" and "nationality". The questions of "legal personality of foreign legal entities" and "admission to economic activity, as well as the rules of this activity" and the question of "regulation of the internal environment of such legal entities" were disclosed. The authors also analyzed the statutory component of the topic and different points of view of the scientists competent in the issues raised in it. Based on those the authors formulated the point of view on the actual problems of the topic.

Ключевые слова: личный статут, национальность, правосубъектность, хозяйственная деятельность.

Keywords : personal statute, nationality, legal personality, economic activity.	

Личный закон (статут) юридического лица в Российской Федерации определяется третей частью Гражданского кодекса Российской Федерации, в части 1 статьи 1202, а именно: «Личным законом юридического лица

считается право страны, где учреждено юридическое лицо, если иное не предусмотрено законом» [1].

- И. В. Гетьман-Павлова считает, что: «понятие «личный закон» юридического лица является одним из самых сложных в международном частном праве, так как эта формула прикрепления содержит серьёзные «скрытые» коллизии и по-разному понимается в национальном праве» [2, с. 192].
- М. М. Богуславский утверждал, что под личным законом (статутом) юридического лица понимают: «право, которое регулирует основные вопросы правового положения (статута) юридического лица как субъекта права» [3,125].

Обычно, юридические лица создаются на территории того или иного государства, однако их деятельность не обязательно должна быть привязана именно к этому государству. Из этого исходит, пара логично задаваемых вопросов. А именно:

- 1. правосубъектность зарубежного юридического лица. Сразу отвечая на него, как правило, она признаётся на основании заключения двухсторонних договоров;
- 2. допуск к хозяйственной деятельности, а также правила данной деятельности. Исходя из опыта зарубежных государств, мы также можем сразу ответить на поставленный перед нами вопрос. Обращаясь к законодательству различных зарубежных государств, вопрос о допуске юридического лица к хозяйственной деятельности на территории того или иного государства, обычно разрешается самим законодательством того государства, на котором оно функционирует.

Таким образом, на основе имеющихся знаний, личный закон юридического лица следует определить, как коллизионный принцип, в соответствии с которым, определяется правосубъектность юридического лица в частноправовых, трансграничных отношениях. Он подразумевает собой конкретную формулу прикрепления. Так, в Российском праве, исходя из норм Гражданского кодекса Российской Федерации, такой формулой прикрепления является место регистрации (место учреждения) юридического лица.

Если рассматривать правовое положение зарубежных юридических лиц, то мы можем наблюдать одну общую черту, а именно, то что весь пре-

доставляемый объём прав регулируется нормами гражданского законодательства государства, в котором юридическое лицо осуществляет своё функционирование. Например, из 1272-й статьи Гражданского кодекса Армении мы выявили, что личным статутом юридического лица признаётся, также как и нашим государство, право страны, где учреждено юридическое лицо [4]. Следовательно, остаётся только ответить на вопрос: «Так какое же законодательство регулирует «интринсивную среду» юридических лиц?». И на самом деле, тут нет ничего сложного. Данный вопрос находится под прямым контролем норм международного частного права и каждое государство определяет свои нормы по этому вопросу. Парадокс, что именно это и приводит к вечным спорам и коллизиям, являясь проблемой, однако именно МЧП помогает разобраться в этом вопросе. Безусловно данная сфера сейчас очень актуальна и требует немедленного реформирования.

Мы разобрались с дефиницией «личный статут». Однако не менее дискуссионным определением, который относится к теме нашего исследования, является «национальность». Данная дефиниция рассматривалась различными учёными как отождествляющаяся с «личным статутом», так и нет. Мы, конечно, придерживаемся второй точки зрения. На то у на есть, веские основания.

Во-первых, изучив термин «личный закон», «личный статут», мы выяснили, что это инструмент определения правосубъектности юридических лиц, осложнённый иностранным элементом.

Так, а что из себя представляет «национальность»? Опишем данную дефиницию как относимость юридического лица к какой-то конкретной стране. В научной литературе, данный термин больше является, чем-то абстрактным, нежели узаконенным. То есть, из самого названия, во время описания юридического лица, человек опирается на его национальность. Например: «Это юридическое лицо является армянским или российским и т.п.». Такой вывод производится исходя из принадлежности данного юридического лица той или иной национальности, как бы выделяя его личный статут.

Как мы можем наблюдать, ключевым словом тут будет являться именно «выделяя личный статут», то есть это уже наталкивает нас на три вывода:

1. это разные дефиниции;

- 2. данные термины взаимодополняют друг друга;
- 3. термин «национальность» является удобным средством выражения узаконенного определения «личный статут», помогая ему раскрыться в полной мере.

Такой точки зрения придерживаются такие учёные как:

- Л. П. Ануфриева, выделяя, что: «термин «национальность», употребляемый к юридическим лица, является удобным описанием и неузаконенным дополнением «личного статута», то есть не отождествляя одно определение с другим, а делая его просто дополняющим термином» [5, с. 40];
- Ю. М. Юмашев, утверждает, что: «вопрос «национальности» юридического лица это вопросы его правового статуса» [6, с. 16].
- выше, упомянутый М. М. Богуславский придерживается такого же мнения;
- и др.

Исходя из проделанного анализа точек зрений различных учёных, компетентных в сфере выбранной нами темы, мы доказали нашу точку зрения, которая состоит в том, что термины «национальность» и «личный закон» это разные, однако взаимодополняющие дефиниции.

Подводя итог нашей статьи, мы бы хотели ещё раз обратить внимание на основные проблемы, которые в ней рассматривались, а именно:

- 1. правовое положение иностранных юридических лиц;
- 2. проблемы национальности юридического лица и отождествления его с личным статутом.

В связи с разбором данных проблем, мы предлагаем следующие пути их решения:

- реформирование законодательства;
- разработка гибких субсидиарных коллизионных норм.

Список литературы

1. Гражданский кодекс республики Армения от 28 июля 1998 года № 3Р-239 [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html (Дата обращения: 12.06.2023);

- 2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (Дата обращения: 12.06.2023);
- 3. Ануфриева Л. П. Международное частное право. Т. 2: Особенная часть. М., 2000. С. 39–42.
- 4. Богуславский, М. М. Международное частное право: учебник / М. М. Богуславский.— 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 125.
- 5. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право: учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова.— 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. С. 192.
- 6. Юмашев Ю. М. Правовое регулирование прямых иностранных капиталовложений в ЕЭС. М, 1988. С. 16.

УДК 347.4

К вопросу о понятии сделка в российском гражданском праве

Погорелов Дмитрий Алексеевич

студент Юридического института Научного исследовательского Томского государственного университета

Аннотация: В данной работе автор сравнивает определения понятия сделки в германском и российском гражданском праве, исследует различные подходы к понятию сделки, исследует исторические предпосылки закрепления действующего определения, рассматривает доктринальные подходы к определению сделки, выявляет неточности в существующем определении, обращая внимание, что действующее определение является более широким по сравнению с теми обстоятельствами, которые порождают правовые последствия.

Abstract: In this paper the author compares the definitions of the concept of transaction in German and Russian civil law, investigates various approaches to the concept of transaction, examines the historical background of the current definition, considers doctrinal approaches to the definition of transaction, identifies inaccuracies in the existing definition, noting that the current definition is broader than the circumstances that give rise to legal consequences.

Ключевые слова: сделки, юридический факт, воля и волеизъявление участников (сторон) сделки, общая теория сделок.

Keywords: deal, legal fact, the will and will of the participants (parties) of the transaction, the general theory of transactions.

Сделки являются основой обязательственного права, они опосредуют товарооборот между субъектами гражданского права, являются юридическими фактами в форме юридических актов, являются самым распространенным способом приобретения и отчуждения права собственности.

Институт сделок является одним из основных разделов гражданского права, и при этом столь важная категория является одной из наиболее сложных, так как при ее изучении возникает ряд проблем, одна из которых связана с отсутствием единого определения термина «сделки».

Такая проблема становится заметной, при анализе Российского и Германского гражданского права.

Понятие сделки в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) дается в ст. 153. Согласно данной статье, сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [1, ст. 153]. Исходя из закрепленной дефиниции ясно, что законодатель связал сделку именно с действиями граждан и юридических лиц, не уделяя должного внимания воле сторон.

Германское Гражданское уложение 1896 (далее — Уложение) хотя и не содержит самого толкования термина «сделка», однако из мотивов законодательной комиссии по подготовке Уложения можно узнать, что под сделкой понимается частное волеизъявление, направленное на порождение желаемого правового последствия, которое наступает потому, что оно желаемо правопорядком. И в этом случае возникает обратная ситуация, когда Уложение связывает сделку не с действиями, а с волей сторон.

При этом следует заметить, что современное гражданское право после распада Советского Союза в начале 90-х годов формировалось под влиянием иностранного цивилистического правового опыта и в этом контексте большое значение для России приобрело германское право, из кото-

рого был позаимствован институт сделок. И самое интересное то, что, не смотря на заимствование целого института подходы к понятию сделки разнятся.

Дело в том, что объяснение сделки через действия не является новым для законодателя, так как впервые такой подход был закреплен в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. (далее — ГК РСФСР). Так ст. 26 ГК РСФСР 1922 г. формулировала сделку следующим образом: «Сделки, т.е. действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, могут быть односторонними и взаимными (договоры)» [2, ст. 525].

Позднее определение в новой редакции закрепилось в кодексе 1964 г. Теперь определение установило круг субъектов, действия которых рассматриваются как сделки, оставив остальную часть неизменной: «Сделками признаются действия граждан и организаций, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей. Сделки могут быть односторонними и двух- или многосторонними (договоры)» [3, ст. 41].

Такой подход выработался в России в результате того, что на момент принятия Гражданского кодекса РСФСР в российском праве не уделялось должного внимания теории сделок. Единственными известными работами в этой области были работы Д. И. Мейер, который писал, что сделка это юридическое действие, ведущее к изменению существующих юридических отношений [4, с. 134], в то время как в Германии признавалась выработанная в XIX столетии концепция волеизъявления Бернхарда Виндшейда и Отто Бэра.

В связи с тем, что российский законодатель определяет сделку через действия, не говоря о воле и волеизъявлении легальное определение подвергается жестокой критике в научных кругах. Все исходит из того, что сделка по своей правовой природе является юридическим фактом в виде юридического акта, которому по своей сущности уже присуща воля стороны. Так же многие выдающие юристы определяли сделки как было принято в германском праве, через волеизъявление. Г. Ф. Шершеневич в своих работах под сделкой понимал определенное выражение воли, направленной на возникновение конкретного юридического последствия [5, с. 112].

О. С. Иоффе писал, что сделка — это одновременно волевой и юридический акт [6, с. 310]. И. Б. Новицкий, определял, что сделка — это выражение воли ее участников [7, с. 20].

При этом хоть в российском определении сделки не указывается на элементы воли и волеизъявлении, однако нельзя сказать, что законодатель обошел их стороной или же принижает их значение. Напротив, в соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ, граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, а согласно пп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ, сделка является основанием возникновения гражданских прав, ст. 154 ГК РФ явно указывает на необходимость воли. Помимо описанных примеров в ГК РФ встречается множество статей, в которых указывается на важность воли и волеизъявления при заключении сделки.

Исходя из данных норм следует вывод, что воля есть обязательный элемент в составе сделки.

Следует отметить, что на неточности легального определения сделки указывали в свое время и сами авторы Концепции совершенствования общих положений ГК РФ, разработанной Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства говоря, что закрепленная в ст. 153 ГК РФ дефиниция сформулирована слишком широко или должна быть сужена по сравнению с имеющимся определением сделки, однако до сих пор данную проблему не решили на законодательном уровне.

Пункт 50 постановления Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 года устраняет неопределенность в определении понятия «сделка». Согласно данному пункту, сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. К таким волеизъявлениям относятся гражданско-правовые договоры, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, а также согласие физического или юридического лица на совершение сделки [8, п. 50]. Таким образом, Верховный суд конкретизирует какие действия следует считать сделками, и указывает на необходимость наличия волеизъявления сторон для признания действий, перечисленных в ст. 153 ГК РФ, сделкой. Важным критерием здесь является волевой аспект.

При этом хоть Верховный суд и дал более узкое понятие сделки, однако закреплённое определение имеет множество неточностей и недоработок.

К примеру, если обратиться к ст. 780, 977 ГК РФ, то можно заметить, что действия граждан и юридических лиц, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей помимо этого еще могут быть направлены на их приостановление и возобновление.

Так же действия лиц могут быть хоть и направлены на возникновение каких-либо правовых последствий, однако они могут не наступить, к примеру, из-за внешних препятствий или из-за действий сторон или одной из сторон. ГК пользуется термином «сделка» не только для обозначения действий, производящих юридический эффект, на который они направлены, но и для обозначения действий, хоть и направленных на такой эффект, но не производящих их потому, что они не удовлетворяют условиям действительности сделок.

Вопросы, связанные с признаками сделки, к примеру, с ее правомерностью, являются дискуссионными и требуют отдельного и более глубокого анализа. Хотя ГК РФ регламентирует общие положения о недействительности сделок в ст. 166 и 167, вопрос о том, нужно ли выделять правомерность как отдельный и обязательный признак, остается открытым и не разрешенным полностью.

Список литературы

- 1. Чистяков, О. И. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период). / О. И. Чистяков М.: Издательство МГУ, 1994 г.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // СЗ РФ.— 5 дек. 1994. —№ 32. Ст. 3301, Рос. газета. —№ 238—239. —8 дек. 1994.
- 3. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР 18 июн. 1964 г. N 24. Ст. 406.
- 4. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. / Д.И.Мейер 3-е изд., перераб. и доп. 8-му изд., М.: «Статут», 1902. 831 с.

- 5. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. М.: « Юрайт», 2023. -149 с.
- 6. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву: учебник. / О. С. Иоффе. М: «Статут», 2000. 310 с.
- 7. Новицкий, И. Б. Сделки. Исковая данность. / И.Б.Новицкий. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.— 248 с.
- 8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, сборник N 8 от 21.08.2015.

УДК 34

Уголовно-правовая характеристика уклонения от уплаты таможенных платежей. Субъективные признаки

Фомин Александр Сергеевич

студент магистратуры факультета Права и безопасности Уральского института управления— филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: Данная статья посвящена характеристикам субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ (Уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взымаемых с организации или физического лица).

Abstract: This article is devoted to the characteristics of the subjective features of the crime provided for by Article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation (Evasion of customs payments, special anti-dumping and (or) countervailing duties levied on an organization or an individual).

Ключевые слова: государство, правовой акт, общественные отношения, преступление.

Keywords: state, legal act, public relations, crime.

Преступление в сфере уклонения от уплаты таможенных платежей имеет бланкетный характер, следовательно, чтобы обозначить признаки субъ-

екта преступления, следует обратиться к нормам таможенного законодательства и определить, на каких лицах лежит обязанность по их уплате.

В соответствии с «Договором о Евразийском экономическом союзе» от 29.05.2014, «плательщики — это лица, определенные в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза». Ст. 50 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указывают, что плательщиками таможенных платежей являются декларант и иные лица, у которых возникла обязанность уплатить таможенные пошлины или налоги. Более конкретного указания на признаки субъектов ТК ЕАЭС не содержит. Ст. 2 ТК ЕАЭС определяет декларанта как лицо, которое декларирует товары или от имени которого декларируются товары.

Таким образом, плательщиками таможенных платежей являются юридические и физические лица, в том числе организации, созданные на территории России и имеющие иностранные инвестиции, международные объединения и организации, которые ведут предпринимательскую деятельность или некоммерческую деятельность в РФ через постоянные представительства. Кроме того, субъектами данного преступления могут являться владельцы складов временного хранения и таможенных складов; владельцы магазинов беспошлинной торговли; руководители таможенных брокеров; таможенных перевозчиков и другие лица.

В п. «а» ч. 2 и ч. 4 ст. 194 УК РФ содержатся квалифицирующие признаки: согласно п. «а» ч. 2 преступление совершается группой лиц по предварительному сговору, в ч. 4 — организованной группой. К ним применяются все признаки, содержащиеся в ч. 2 ст. 35 УК РФ. В частности, преступление должно быть совершено двумя или более исполнителями, которые заранее договорились о совершении указанного преступления, либо устойчивой группой лиц, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что квалифицирующие признаки, содержащиеся в ст. 194 УК РФ, повышают степень общественной опасности преступления, из чего следует ужесточение уголовной ответственности.

Субъективная сторона преступления представляет собой психическую деятельность лица, связанную с совершением преступления. В нее входит вина, мотив и цель преступления. Таким образом, субъективная сторона показывает процессы, происходящие в сознании и воле субъекта преступления, связанные с совершением преступного деяния.

Вина — это психическое отношение субъекта к совершаемому им преступлению и его общественно опасным последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности, в котором проявляется антисоциальная направленность деятельности лица.

В соответствии с ст. 24 УК РФ вина может быть умышленная и по неосторожности. В преступлении по ст. 194 УК РФ вина может быть исключительно в форме прямого умысла. Это означает, что лицо осознает, что своими деяниями не уплачивает соответствующие таможенные платежи или уплачивает в недостаточном объеме или иным способом уклоняется от их уплаты, понимает последствия, но желает совершить данное деяние. Отметим, что административное и налоговое право предусматривают вину по неосторожности при совершении налоговых и таможенных правонарушений.

Умысел может быть прямой и косвенный: различие в том, что прямой умысле предполагает желание субъект наступления последствий преступления, а косвенный только допущение их наступления. При уклонении от уплаты таможенных платежей субъект сознательно не уплачивает соответствующую денежную сумму, то есть обеспечивает непоступление финансовых средств в федеральный бюджет, что и является последствиями преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ. Следовательно, умысел является прямым, так как лицо сознательно не вносит или вносит неполную сумму, в частности при использовании обмана, и желает этого, при этом точно знает, в каком размере он уклоняется от уплаты.

Выделяются интеллектуальный и волевой моменты вины. Интеллектуальный момент выражается в осознании субъектом преступления характера общественной опасности деяния и предвидении наступления последствий. Волевой элемент предполагает желание субъекта, чтобы данные общественно опасные последствия наступили. Интеллектуальный элемент состоит в том, что субъект преследует определённую цель — не упла-

чивать таможенные платежи при том, что он обязан это сделать. Субъект осознает последствия: бюджет не получит данной суммы, так как он не уплатит ее или уплатит в меньшем размере. Следовательно, субъект осознает опасность деяния и последствий. И при этом, как волевой элемент, он не пытается их предотвратить (уплатив таможенные платежи), а, наоборот, достигает их своими деяниями.

В связи с вышеизложенным, мы установили, что имеет место прямой умысел, а легкомыслия и небрежности в данном составе преступления нет в связи с тем, что действия субъекта, уклоняющегося от уплаты таможенных платежей, идут вразрез с требованиями таможенного законодательства, а сам он желает, чтобы денежные средства остались в его распоряжении и пользовании. На прямой умысел указывает, что лицо осознает, что на него или организацию, которую он представляет, возложена обязанность по уплате таможенных платежей в установленный срок, но различными способами, в том числе прибегая к обману, он не платит таможенные платежи, следовательно, осознает причинение ущерба государству и общественную опасность своих действий (бездействия).

Следует отметить, что умысел является заранее обдуманным. Лицо, в чью обязанность входит уплатить таможенные платежи, прилагает усилия по неисполнению данной обязанности. В частности, нами рассмотрены способы уклонения от уплаты таможенных платежей, среди которых есть предоставление заведомо подложных документов, предоставление неверных сведений в декларации, занижение сумм и т.д., что исключает внезапность возникновения умысла и показывает тщательную подготовку лица к данному преступлению.

Учтем, что даже если цель лица не само уклонение от уплаты таможенных платежей, а иная, например, провоз товаров без сопроводительных документов, то исключается легальное таможенное оформление товара, а при контрабанде уплатить таможенные платежи не представляется возможным. В данном случае лицо предвидит неизбежность наступления преступных последствий.

Таким образом, умысел состоит в том, что лицо стремится вывести из-под налогообложения принадлежащее ему имущество, материальные блага.

Сложность установления субъективной стороны состоит в определении мотива уклонения от уплаты таможенных платежей. Мотив — это внутреннее побуждение лица совершить преступление. Мотив, цель и эмоции выступают факультативными признаками в данном составе преступления. Уклонение от уплаты таможенных платежей относится к тем составам преступления, где мотив и цель не указываются в диспозиции статьи УК РФ и, как правило, не влияют на квалификацию. Следовательно, можно сделать вывод о том, что уклонение от уплаты таможенных платежей может быть совершено по любым мотивам и с любой целью. Однако, как нами отмечено ранее, форма вины при уклонении от уплаты таможенных платежей — прямой умысел, следовательно, лицо руководствуется конкретной целью и мотивом. Поэтому цель, мотив и эмоции учитываются при индивидуализации наказания. В каждом конкретном преступлении мотив и цель указывают на существенные признаки личности виновного, степень общественной опасности деяния, в связи с чем оказывают влияние на вид и размер наказания.

Мотив и цель устанавливаются для определения обстоятельств, смягчающих или отягчающих вину, в соответствии со ст. 61 и 63 УК РФ.

Цель, как отмечено ранее, выражается в получении материальной выгоды в виде денежных средств, оставленных у виновного. Другими словами, целью является экономия денежных средств физического лица или организации. Таким образом, лицо ставит целью избавиться от обязанности уплатить таможенные платежи, за счет чего оно получает материальные преимущества, обогащается.

Список литературы

- 1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 16.01.2015.
- 2. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко.— 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ ИНФРА. М, 2013.— 592 с.

УДК 332.591

Проблемы привлечения к ответственности государственных гражданских служащих за нарушения запретов и ограничений

Якунин Дмитрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент Хабаровского государственного университета экономики и права

Горохов Владислав Юрьевич

магистрант Хабаровского государственного университета экономики и права

Аннотация: В статье определяются основные проблемы привлечения к ответственности государственных гражданских служащих за нарушения запретов и ограничений, предусмотренных как законодательством о государственной гражданской службе, так и антикоррупционным законодательством. Особое внимание автор обращает на пробельность законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности. Также, в статье рассматриваются и отдельные проблемы административной, а также уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Abstract: The article identifies the main problems of bringing public civil servants to responsibility for violations of prohibitions and restrictions provided by both the legislation on public civil service and anti-corruption legislation. The author pays special attention to the gaps in the legislation regulating disciplinary liability. The article also considers certain problems of administrative and criminal liability for corruption offenses.

Ключевые слова: государственная служба, государственная гражданская служба, коррупция, противодействие коррупции, коррупционные преступления, дисциплинарные взыскания, служебная дисциплина.

Keywords: public service, public civil service, corruption, anti-corruption, corruption crimes, disciplinary penalties, service discipline.

Действующее законодательство, регулирующее вопросы государственной гражданской службы, устанавливает ряд запретов и ограничений, которые распространяют свое действие на всех лиц, состоящих на государственной гражданской службе. Помимо этого, ряд запретов и ограничений устанавливается также и федеральным законодательством, направленным на противо-

действие коррупции. Большинство современных ученых склоняется к тому, что основной целью их установления было предотвращение возможных злоупотреблений должностными полномочиями со стороны государственных гражданских служащих (далее — ГГС), а помимо этого противодействие коррупции[5, с. 126]. Иными словами, запреты и ограничения, связанные с государственной гражданской службой, носят превентивный характер.

При нарушении ГГС установленных действующим законодательством запретов и ограничений, он будет привлечен к ответственности. Разновидность ответственности определяется характером и степенью тяжести совершенного деяния.

Так, согласно российскому законодательству, ГГС может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Следует особо подчеркнуть, что весомым основанием для подобного привлечения выступает факт совершения им дисциплинарного проступка. Под дисциплинарным проступком понимается виновное неисполнение (ненадлежащее исполнение) ГГС соответствующих должностных обязанностей.

Рассматривая дисциплинарную ответственность ГГС, О. А. Косотурова особо подчеркивает, что в правовых актах, регулирующих вопрос исследуемой службы отсутствует дефиниция термина «ненадлежащее исполнение должностных обязанностей», а кроме того в них не указаны критерии определения степени вины ГГС [4, с. 358]. Помимо этого, в законодательстве отсутствует четкая регламентация процедур привлечения к дисциплинарной ответственности ГГС, а также отсутствует дифференциация стадий производства. Указанные пробелы приводят к существенным трудностям в рамках правоприменительной практики.

Целый ряд ученых считает, что для устранения вышеуказанных пробелов необходимо принять Кодекс дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих Российской Федерации, примерная структура которого может выглядеть следующим образом:

- общие принципы дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих;
- определение дисциплинарного проступка применительно к государственной гражданской службе;
- перечень дисциплинарных взысканий;

- условия порядок привлечения к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих;
- порядок формирования и правовые основы деятельности дисциплинарной коллегии, которая должна представлять собой постоянно действующий орган, сформированный в структуре каждого государственного органа;
- порядок обжалования решений, принятых дисциплинарной коллегией;
- обязанность государственного служащего по возмещению ущерба, причиненного совершенным им дисциплинарным проступком и механизм ее реализации;
- обязанность по устранению причин и условий, способствовавших совершению дисциплинарного проступка, которая должна быть возложена на руководство государственного органа;
- права и обязанности руководителя государственного гражданского служащего в рамках дисциплинарного производства;
- нормы, регулирующие упрощенный порядок дисциплинарного производства, который подлежит применению в случае, если дисциплинарный проступок связан с нарушением служебного распорядка, не связанный с непосредственным выполнением государственных функций.

Правом наложения исследуемого взыскания в рассматриваемом случае должен быть наделен руководитель государственного органа;

- нормы, регулирующие дисциплинарное производство, которые связаны с привлечением ГГС к дисциплинарной ответственности в случае совершения им проступка при исполнении своих обязанностей. В указанных случаях решение о привлечении ГГС к дисциплинарной ответственности должно приниматься коллегиально. В данном случае обязательным этапом дисциплинарного производства должно стать служебное расследование;
- нормы, закрепляющие конкретные составы дисциплинарных проступков с указанием взысканий, которые могут быть наложены на ГГС при их совершении [6, с. 12].

При нарушении запретов и ограничений, ГГС привлекается к соответствующей административной ответственности (далее — AO). Отличительная особенность рассматриваемой ответственности состоит в том, что ГГС

выступают в качестве специальных субъектов исключительно при совершении административных правонарушений при исполнении должностных обязанностей. В иных случаях ГГС привлекаются к указанной ответственности в общем порядке.

Подчеркивается, что ГГС привлекаются к АО при совершении соответствующего правового нарушения, которое состоит в неисполнении (ненадлежащем исполнении) ими своих обязанностей. Отмечается, что правом привлечения ГГС к рассматриваемой ответственности наделены уполномоченные на это лица.

Чаще всего ГГС привлекаются к административной ответственности за совершение таких правонарушений, которые не имеют прямой взаимосвязи с выполнением обязанностей, входящих в их компетенцию. Юридическая сущность компетенции состоит непосредственно в том, что она устанавливает границы полномочий ГГС. Соответственно, совершение действий, выходящих за пределы компетенции, составляют правонарушение. Как правило, такого рода правонарушения носят коррупционный характер.

Следует отметить, что в действующем законодательстве отсутствует правовая норма, закрепляющая определение термина «коррупционное правонарушение», несмотря на то, что данный термин достаточно широко используется в рамках правовой практики. Закрепление на уровне действующего законодательства дефиниции упомянутого термина позволит унифицировать правоприменительную практику, что будет способствовать повышению эффективности борьбы с коррупцией.

По нашему мнению, в качестве основы для формирования законодательной дефиниции данного термина можно взять его определение, предложенное М. А. Сережкиной. Указанный автор под упомянутым выше термином понимает «...деяние (действие или бездействие), которое предусмотрено п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции», и (или) выразившееся в несоблюдении ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнении обязанностей, установленных настоящим федеральным законом и другими законами, регулирующими правоотношения в сфере противодействия коррупции» [7, с. 26].

При этом термин «коррупционное правонарушение» представляет собой общее понятие, которое включает в себя дисциплинарные проступки

коррупционной направленности, гражданско-правовые правонарушения, административные правонарушения коррупционной направленности, а помимо этого коррупционные преступления.

В действующем законодательстве отсутствуют и нормы, закрепляющие и определение термина «коррупционное преступление». В тоже время, Указанием Генеральной прокуратуры РФ № 870/11 и МВД России № 1 от 27 декабря 2017 года «О введении в действие перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» были закреплены соответствующие критерии. На основании данных критериев определенное деяние необходимо относить к тем преступлениям, которые обладают коррупционной направленностью. Для отнесения того или иного преступного деяния к преступлениям коррупционной направленности в обязательном порядке требуется наличие совокупности всех критериев, предусмотренных данным нормативным актом.

Критерии преступлений коррупционной направленности (далее — ПКН), закрепленные вышеуказанным нормативным актом, вызывают определенные дискуссии в современной науке. Например, в составе преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ[1], отсутствует специальный субъект. Более того, дача взятки далеко не всегда происходит с корыстным мотивом. Указанное деяние не соответствует критериям ПКН, хотя фактически оно им является.

В тоже время, рассматриваемым нормативным актом предусматриваются определенные исключения, которые позволяют правоприменителю относить то или иное преступное деяние к числу ПКН. В частности, к ним относятся деяния, хотя и не соответствующие установленным критериям, но, при этом, связанные «...с коррупцией в соответствии с международным и национальным законодательством, ратифицированными РФ, с подготовкой условий получения для должностным лицом, госслужащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, которое выполняет управленческие функции в коммерческой или иной организации, денежной выгоды, ценностей, другого имущества либо услуг имущественного характера, других имущественных прав или незаконного получения подобной выгоды» [2]. Указанная норма дает возможность правоприменителю относить деяние, предусмотренное ст. 291 УК РФ, к числу ПКН.

Закрепление определения коррупционного преступления на законодательном уровне позволит не только унифицировать соответствующую правоприменительную практику, но и позволит сформировать наиболее полную статистическую отчетность, что, соответственно, даст возможность объективно оценить реальное состояние коррупционной преступности на территории Российской Федерации. По нашему мнению, в качестве основы для формирования законодательной дефиниции данного термина можно взять его определение, предложенное А. В. Воробьевым.

Указанный автор считает, что «коррупционным преступлением признается запрещенное статьями настоящего Кодекса общественно опасное деяние: а) совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности лицом, подпадающим под признаки, предусмотренные примечанием 1 к ст. 201 или примечаниями 1—4 к ст. 285, примечанием 2 к ст. 290 настоящего Кодекса, с использованием служебных полномочий либо служебного положения вопреки интересам службы, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; б) сопряженное с подкупом должностного лица или лица, осуществляющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях вопреки интересам службы; в) выраженное в легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате преступлений, предусмотренного пунктом «а» настоящей статьи» [35, с. 41].

Таким образом, предложенные нами изменения и дополнения позволят не только унифицировать правоприменительную практику привлечения к ответственности ГГС за нарушения запретов и ограничений, но и будут способствовать устранению отдельных пробелов в законодательстве, регулирующем данные вопросы.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

- 2. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 870/11 и МВД России от 27.12.2017 № 1 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
- 3. Воробьев, А. В. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности против интересов службы в органах местного самоуправления: дисс. ... канд. юрид. наук / А. В. Воробьев. Калининград, 2016.— 240 с.
- 4. Косотурова, О. А. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих как вид юридической ответственности / О. А. Косотурова // Аллея науки.— 2018.— № 5 (21). С. 357—360.
- Маркович, А. А. Дисциплинарная ответственность государственных служащих / А. А. Маркович // Молодой ученый. — 2021. — № 43 (385). — С. 125—128.
- 6. Романова, Е. В. Совершенствование порядка применения дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения в отношении государственных гражданских служащих / Е. А. Романова // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России.— 2021.— № 1 (20). С. 12—14.
- 7. Сережкина, М. А. Определение понятия «коррупционное правонарушение» в российском законодательстве / М. А. Сережкина // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 3. С. 24—27.

УДК 332.591

Проблемы законодательного регулирования запретов и ограничений, связанных с государственной гражданской службой

Якунин Дмитрий Владимирович

кандидат юридических наук, доцент Хабаровского государственного университета экономики и права

Горохов Владислав Юрьевич

магистрант Хабаровского государственного университета экономики и права

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные проблемы законодательного регулирования запретов и ограничений, связанных с государственной гражданской службой, в частности, недостатки действующего законодательства, которые создают трудности обеспечения конституционных прав граждан, не только на уровне теории, но и в правоприменительной практике.

Abstract: The article considers certain problems of legislative regulation of prohibitions and restrictions related to civil service, particularly, the shortcomings of the current legislation, which create difficulties in ensuring the constitutional rights of citizens, not only at the level of theory, but also in law enforcement practice.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, конституционное право, запреты, ограничения, противодействие коррупции.

Keywords: state civil service, constitutional law, prohibitions, restrictions, anti-corruption.

Проблема законодательного регулирования совокупности ограничений и запретов, которые непосредственно связаны с прохождением гражданином государственной гражданской службой, является особенно дискуссионной, в частности, неочевидным является ответ на вопрос: не являются ли указанные ограничения и запреты нарушением законных прав, а также свобод человека и гражданина, что свидетельствует об их антиконституционном характере.

Достаточно распространенным является мнение, согласно которому установление запретов и ограничений, связанных с государственной гра-

жданской службой, является объективной необходимостью для обеспечения нормального функционирования государственного аппарата [14, с. 13]. Это в полной мере коррелирует с положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускающей такое ограничение только на основании законодательных положений и в интересах общественности [1]. Необходимо выделить, что в данном случае установление рассматриваемых запретов и ограничений направлено, в том числе, и на противодействие коррупции, которая, в свою очередь, представляет существенную угрозу для безопасности государства. Немаловажное значение имеет и тот факт, что поступая на государственную гражданскую службу, гражданин РФ, добровольно принимает ее правила, предусмотренные действующим законодательством, включая и установленные запреты и ограничения.

При этом, в современной науке ряд споров вызывает такое ограничение, которое закреплено в п. 11 ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ», состоящее в том, что гражданин не может находиться на гражданской службе в случае, если этот гражданин был признан в качестве лица, который не проходил военную службу без всех оснований для этого. Речь идет о военной службе по призыву, а основания должны быть установлены призывной комиссией и отражены в заключении таковой. Прежняя редакция представленной нормы формулировалась без конкретного срока его действия ставило тех граждан, которые военную службу не прошли, в худшее положение по сравнению с теми гражданами, в отношении которых было установлено ограничение на прохождение данной службы на фоне совершения ими преступления или правонарушения [5, с. 136]. Поскольку в отношении последних, в законодательстве были установлены сроки.

Согласно позиции КС РФ, изначально ограничение подобного рода было установлено на территории нашей страны для того, чтобы указанную службу не могли проходить граждане, которые не обладают необходимыми для этого морально-нравственными качествами, наличие которых является необходимостью на фоне значимости указанной службы [6].

В тоже время, установление рассматриваемого ограничения в изначальной его редакции выступает в качестве нарушения прав граждан на то, чтобы доступ к государственной службе был свободным. Более того, это

вполне можно рассматривать через призму ограничения права на то, чтобы распоряжаться своими способностями к труду максимально свободно, что также выступает в качестве конституционного положения.

Для установления определенного компромисса в действующее законодательство были внесены изменения, на основании которых был установлен срок действия рассматриваемого ограничения (10 лет).

Несмотря на установление срока действия рассматриваемого ограничения в научной литературе ставится под сомнение то, каким именно образом рассматриваемое ограничение способствует повышению престижа военной службы по призыву. Более того, высказывается мнение, что установленный законодателем срок в 10 лет является чрезмерным. Так, лица, совершившие тяжкие преступления, лишаются пассивного избирательного права на 10 лет. Лица, совершившие особо тяжкие преступления, лишаются рассматриваемого права на 15 лет. В тоже время, уклонение от призыва на военную службу является преступлением небольшой тяжести. Соответственно, установление срока действия ограничения в 10 лет нарушает принципы справедливости, разумности и соразмерности. Рациональным являлось бы сокращение срока действия рассматриваемого ограничения до 5 лет.

Отдельного внимания также заслуживают такие ограничения и запреты, которые непосредственно связаны с государственной гражданской службой и которые закреплены в правовых нормах, относящихся сегодня к антикоррупционному законодательству. Например, в юридической и научной литературе широкое распространение получила точка зрения о том, что стоит существенно расширить круг лиц, сведения которых о доходах, расходах и имуществе, равно как обязательствах, имеющих имущественный характер, должны быть в соответствии с законодательством предоставлены. Сегодня это несовершеннолетние дети и супруги.

Исследователи, анализирующие антикоррупционное законодательство, указывают на то, что обязанность государственного гражданского служащего по предоставлению сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера супруга (супруга) не обеспечена соответствующей обязанностью предоставления таких сведений указанными членами семьи. В связи с этим, в случае отказа супруга (супруги)

государственного гражданского служащего от предоставления рассматриваемых сведений, юридический механизм, который позволил бы оказать на них влияние, действующим законодательством не предусмотрен. Такого рода ситуация может возникнуть в случае, если супруг (супруга) государственного гражданского служащего проживает раздельно от него, но юридически брак расторгнут не был. В связи с этим, имеется необходимость закрепления в действующем законодательстве нормы, обязывающей супругу (супруга) государственного гражданского служащего предоставлять сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера [3].

Также действующее законодательство нашей страны попросту не содержит норм, которые бы содержали дефиницию преступления, равно как правонарушения коррупционной направленности. В то же время, Указанием Генеральной прокуратуры РФ № 870/11 и МВД России № 1 от 27 декабря 2017 года были закреплены критерии, на основании которых то или иное деяние необходимо относить к числу преступлений коррупционной направленности [2]. При этом, для отнесения того или иного преступного деяния к преступлениям коррупционной направленности в обязательном порядке требуется наличие совокупности всех критериев, предусмотренных данным нормативным актом.

Следует отметить, что критерии преступлений коррупционной направленности, закрепленные вышеуказанным нормативным актом, вызывают определенные дискуссии в современной науке. Например, в составе преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ, отсутствует специальный субъект. Более того, дача взятки далеко не всегда происходит с корыстным мотивом. В связи с этим, указанное деяние не соответствует критериям преступления коррупционной направленности, хотя фактически оно им является.

В тоже время, рассматриваемым нормативным актом предусматриваются определенные исключения, которые позволяют правоприменителю относить то или иное преступное деяние к числу преступлений коррупционной направленности. В частности, к ним относятся деяния, хотя и не соответствующие установленным критериям, но, при этом, связанные «...с коррупцией в соответствии с международными правовыми актами

и национальным законодательством, ратифицированными РФ, равно как с подготовкой всех необходимых условий для того, чтобы должностное лицо, государственный служащий или управленческий персонал получили ценностей, денежную выгоду или иное имущество, иные блага [2]. Указанная норма дает возможность правоприменителю относить деяние, предусмотренное ст. 291 УК РФ, к числу преступлений коррупционной направленности.

Несмотря на это, необходимость расширения перечня критериев, позволяющих относить то или иное преступное деяние к числу преступлений коррупционной направленности, все же имеется, равно как и необходимость законодательного закрепления определений терминов «коррупционное преступление», «коррупционное правонарушение» и «преступление коррупционной направленности». Помимо этого, ряд авторов предлагает дополнить перечень преступлений, в случае совершения которых по отношению к виновным может быть применена конфискация имущества. К числу такого рода деяний предлагается добавить составы преступлений, предусмотренные ст. 285.1, 285.2 и 292 УК РФ [7].

Рассмотренные дискуссионные вопросы свидетельствуют о том, что действующее законодательство РФ, устанавливающее запреты и ограничения, связанные с государственной гражданской службой, содержит ряд недостатков, создающих трудности не только на уровне теории, но и в правоприменительной практике.

Список литературы

- 1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
- 2. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса РФ, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры РФ № 870/11 и МВД России от 27.12.2017 № 1 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

- 3. Артемьев А. А. Проблемы действующего российского антикоррупционного законодательства и предложения по их разрешению / А. А. Артемьев, В. Н. Зайковский, И. А. Лепехин // Вестник Тверского государственного университета.— 2019.— № 2 (58). С. 76—84.
- 4. Белхороева Б. С. Ограничения и запреты, связанные с государственной гражданской службой / Б. С. Белхороева // Тезисы докладов конференции. Ярославль: Изд-во «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», 2022. С. 13–14.
- 5. Гречина Л. А. Ограничения на гражданской службе: дискуссионные проблемы / Л. А. Гречина, Д. В. Иванова // Юридическая техника.— 2018.— № 12. С. 135-138.
- 6. По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву»: постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
- 7. Щербакова В. В. Проблемы совершенствования антикоррупционного законодательства в России / В. В. Щербакова // Социальные науки.— 2020.— № 3 (30). С. 123—129.

политология

УДК 328

Противоречия между США и КНР в контексте инициативы «Один пояс, один путь» в период президентского срока Д. Трампа и Дж. Байдена

Дадашева Малика Эльхановна

студентка бакалавриата по направлению «Международные отношения» Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: Если на протяжении нескольких предыдущих десятилетий отношения США и КНР развивались по нарастающей и в начале ХХІ века ряд экспертов даже говорил о возможном «полуторополярном» мировом устройстве, с доминированием США в партнерстве с Китаем, то в последнее десятилетие, эти две ведущие мировые державы, все больше погружаются в пучину всеобъемлющего противостояния. Это соперничество стало особенно заметным, с одной стороны, после новых геоэкономических инициатив Пекина, а с другой после прихода к власти в Вашингтоне Д. Трампа. Подобная трансформация взаимосвязей стала фундаментальным явлением в современной системе международных отношений и вызвала повышенный интерес как мировой общественности, так и исследовательского сообщества. Автор данной статьи старается внести собственный вклад в рассмотрение складывающейся ситуации и проанализировать развитие противоречия между США и КНР, в контексте инициативы «Один пояс, один путь». Также, будут затронуты события и явления относящиеся как к периоду нахождения у власти предыдущего президента США Д. Трампа, так и пребывания в должности нынешнего главы американской администрации Дж. Байдена.

Abstract: While during the previous few decades the US-China relations have been developing on an upward trend and in the beginning of the 21st century several experts even spoke about a possible "semi-polar" world order, with the US dominating in partnership with China, in the last decade these two leading world powers have been increasingly plunged into the abyss of a comprehensive confrontation. This rivalry has become particularly visible, on the one hand, after Beijing's new geo-economic initiatives and, on the other hand, after D. Trump came to power in Washington. Such transformation of interrelations has become a fundamental phenomenon in the modern system of international relations and has aroused increased interest of both the world community and the research community. The author of this article tries to

make his own contribution to the consideration of the emerging situation and analyze the development of the contradiction between the U.S. and China in the context of the "One Belt, One Road" initiative. Also, it will touch upon the events and phenomena related to both the period of the previous U.S. President D. Trump and the current head of the U.S. administration J. Biden.

Ключевые слова: США, КНР, «Один пояс, одни путь», китайско-американские отношения, Д. Трамп, Дж. Байден, Си Цзиньпин.

Keywords: USA, China, "One belt, One road", Sino-American relations, D. Trump, J. Biden, Xi Jinping.

В последние годы, по мере формирования понимания, что у основных центров силы существуют собственные, значительно отличающиеся от либерально-глобалистских, национальные и региональные интересы, мировые акторы начали усиленно продвигать новые международные инициативы, направленные на усиление своего «представительства» в отдельных странах и ключевых точках мира.

Вполне естественно, что не остался в стороне от данной тенденции и современный Китай. Тем более, что все последние десятилетия человечество наблюдало как происходит возвышение новой сверхдержавы — КНР. С тех пор Дэн Сяопин начал проводить рыночные реформы в 1978 г., ВВП Китая вырос с 200 млрд долл. до более чем 9,5 трлн долл. США в 2013 г. (и уже вскоре приблизится к 20 трлн долл. США по прогнозам 2023 года) [13], произошел переход миллиарда китайцев из крайней бедности к среднему достатку, а на международной арене Китай превратился в глобального экономического соперника США. А такое изменение внутреннего содержания, наряду с ориентацией китайской экономики на активное продвижение на зарубежные рынки, послужило основой и для политических внешних устремлений нового поколения политиков в Пекине. Причем, само улучшение статуса Китая привлекало и все больше внимания со стороны отдельных стран и правительств, международных и региональных организаций, отдельных экспертов и исследовательских центров.

В сентябре 2013 года, в малоизвестном за пределами Казахстана высшем учебном заведении — «Назарбаев Университете» — только что занявший свою должность Председатель КНР Си Цзиньпин изложил свое видение

экономической и политической инициативы, известной в отечественной исследовательской практике под названием «Один пояс, один путь» (ОПОП), которая оказалась нацеленной на интеграцию усилий по объединению инфраструктуры, торговли и снятия межгосударственных экономических барьеров более чем в 70 странах от Балтики до Тихого океана. Затем, во время визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Индонезию, в октябре 2013 года, он выдвинул инициативу строительства «Экономического пояса — Морского Шелкового пути XXI века», который должен был связать Китай с Юго-Восточной и Южной Азией, Евразией, Африкой и Латинской Америкой [8, с.130]. Эта инициатива, позже стала органической частью ОПОП. В рамках этих инициатив должна была осуществляться новая роль Китая в мире, посредством торговли, взаимных инвестиций, реализации проектов транспортной и энергетической инфраструктуры, туризма, образования, культуры и других областей сотрудничества.

В ходе той же поездки в Индонезию (2013 года), когда Си Цзиньпин обнародовал план по созданию ОПОП, было заявлено, что для осуществления инфраструктурных проектов Китай берется за учреждение новых финансовых международных структур, не зависящих ни от МВФ, ни от Всемирного Банка. И уже в декабре 2014 г. Пекин учредил государственный фонд «Шелкового пути» с общим капиталом в 40 млрд долл. США и 100 млрд юаней. Этот фонд был нацелен на предоставление инвестиционной и финансовой поддержки для развития инфраструктуры других стран, включая порты, железные дороги и энергетические трубопроводы, для ускорения экономического роста, расширения энергетического сотрудничества, региональной торговли и взаимосвязанности в рамках ОПОП [9].

В развитие этого проекта, в январе 2016 г. Китай учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), для улучшения взаимосвязанности стран Азии и их экономической интеграции. И если на момент создания АБИИ насчитывало 57 членов-учредителей, представляющих все регионы, кроме Северной Америки, с примерно 100 млрд долл. США в объявленном капитале, то по состоянию на июль 2022 г. членство в АБИИ почти удвоилось (105 членов), возросли и его финансовые возможности [14].

Кроме того, инициатива «Один пояс, один путь» была включена в качестве основного направления международной стратегии КНР во все основополагающие внешнеполитические и внешнеэкономические документы Китая (как на государственном, так и на партийном уровне).

В последующие годы инициатива ОПОП стала еще более амбициозной и распространилась на Арктику, киберпространство и даже Космос. Но даже на самом первом этапе, масштаб и амбициозность этой инициативы привлекли огромное внимание. Причем, это внимание проявлялось далеко не только попаданием в заголовки мировых СМИ, но и пристальным интересом профессиональных институтов, аналитических центров и правительственных структур.

И, конечно, инициативы Пекина, оказались «холодным душем» для правящих кругов США. Ведь, почти два десятилетия после окончания «холодной войны» в Индо-Тихоокеанском регионе доминировала, практически, одна мировая держава — США, а Китай, в лучшем случае воспринимался как «младший партнер». Теперь же, как писал по этому поводку известный американский аналитик китайского происхождения, Вэй Цзунью: «Когда азиатские и европейские союзники США планировали присоединиться к выгодной инициативе, правительство Обамы только «проснулось» и осознало, что планы Китая при реализации ОПОП могут оказать влияние на экономику и развитие как самих США, так и в огромном Индо-Тихоокеанского регионе» [2, с. 2]. А это то, что создает проблемы стратегическим интересам Вашингтона. Оказалось, что инициатива «Один пояс, один путь» может снизить роль действующих экономических и политических интеграционных проектов США как в Евразии, так и в Индо-Тихоокеанском регионе, а также нарушить солидарность в организациях, по сути, ранее возглавляемых Вашингтоном, таких как АТЭС.

Как реакция на подобные опасности для американской гегемонии, идеи и интересы Китая в продвижении инициативы ОПОП постоянно подвергались критике со стороны США, других развитых западных стран и азиатских союзников Вашингтона (как Токио и Тайбей). США демонстрировали, что используют различные экономические и политические рычаги Китай приобретал все большее и качественное влияние [3, с. 21]. При этом и американская администрации и СМИ, постоянно вызывали

беспокойство, что в инициативе «Один пояс, один путь» по-прежнему скрыты «теневые» стратегические мотивы, которые могут изменить геополитический ландшафт и стандарты глобального управления международного сообщества, а «мягкая сила» Китая по продвижению инициативы может превратиться в «жесткую силу» давления на правительства странучастниц проекта.

Яростной критики подвергалось и желание Пекина вкладываться в развивающиеся страны, как путь к «кредитному» закабалению «независимых правительств». Ведь китайская инициатива находится на одном уровне или превосходит План Маршалла с точки зрения размера его финансирования. Банк Развития Китая объявил о планах инвестировать 900 млрд долл. США в развитие проектов ОПОП [14]. Помимо того, утверждалось, что проекты ОПОП, не только непрозрачны для иностранных наблюдателей, но и часто подвержены коррупции, им серьезно не хватает экономической устойчивости, эффективного местного регулирования и управления [7, с. 4].

В этом же контексте прослеживается и довольно скептическое отношение Вашингтона к функционированию АБИИ. Поскольку Китай является крупнейшим акционером, он обладает значительной долей прав голоса в АБИИ (26%), чтобы влиять на результаты принятия решений и контролировать институциональные изменения (де-факто обладает правом вето), то в западной прессе он даже рассматривался как «Всемирным банк Китая» [16]. Благодаря этому Китай имеет стратегическую цель формирования конкурента западных международных финансовых структур, увеличивая объем внешних инвестиций, которые исходят от Китая, и постепенно вытесняя финансовое влияние США в огромном Индо-Тихоокеанском регионе [5, с. 62].

Но сколь бы негативной не была первоначальная реакция администрации президента США Б. Обамы на китайские инициативы, она в основном сводилась к попытке найти точки соприкосновения с Китаем, наряду с выстраиванием более тесных отношений со странами Азии для реализации собственных интеграционных проектов.

Но ситуация резко изменилась с приходом к власти в США республиканцев во главе с Д. Трампом. Последний, еще на этапе предвыборной

кампании, явственно обозначил свое неприятие динамичным развитием Китая, которое он рассматривал как угрозу собственно американскому экономическому росту. Главными причинами для Д. Трампа без сомнения стали экономические успехи Китая. В частности, торговый дефицит. достигший в 2018 году совершенно неприличного размера в 419,5 млрд долл. США [17], к тому же он играл роль «основного канала деиндустриализации США» [10, с. 11], по мере того как сокращается объём инвестиций, а рост производительности замедляется. Деиндустриализация так же проявляла себя серьёзными социально-политическим дисфункциям в американской экономике, что приводило ко все более необеспеченном внешнему потреблению и сказывалась на росте госдолга США, к концу 2019 г. перевалившего за 22 трлн долл. К тому же, по мере технологического взлёта Китая и корпоративная Америка начала разделять взгляды на Китай как на соперника [18], высказывающая озабоченность по поводу обязательной передачи технологий, промышленной политики КНР предоставления субсидий и финансирования для фирм и несправедливых преимуществ для государственных компаний. А инициатива «Один пояс, один путь», казалась планом китайского правительства по вытеснению США и из экономики развивающихся стран. Д. Трамп же вообще говорил, что данная инициатива потенциально может нарушить торговлю по всему миру и является «оскорбительной» для США [19].

И уже вскоре после избрания Д. Трапа на пост Президента США, во многих документах планы КНР по сотрудничеству с другими странами стали рассматриваться как очередная угроза. Так, обращается внимание на неприемлемость для Вашингтона китайской инициативы ОПОП и в доктрине Стратегии национальной безопасности США, появившейся в 2017 г. Здесь констатировалось, что Китай стремится вытеснить Соединенные Штаты из Тихоокеанского региона, расширить границы своей государственной экономической модели и перестроить регион в свою пользу [20].

А в 2018 г. «Центр новой американской безопасности», аналитический центр США близкий к республиканскому политическому и экономическому истеблишменту, опубликовал доклад под названием «Как реагировать на инициативу Китая — ОПОП». В докладе рекомендовалось американскому правительству представить свое видение развитие региона,

и начали наступление общественной дипломатии для противодействия «пропаганде Китая». Правительству предлагалось мобилизовать все ресурсы для принятия всеобъемлющего ответа на китайские зарубежные проекты.

Одновременно при Д. Трампе претерпела значительное изменения и тактика борьбы с распространением влияния Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Так, ранее американо-китайская конкуренция в экономической сфере во многом была связана с планами построения интеграционных объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Однако, после провала в январе 2017 года, по вине Д. Трампа, проамериканского интеграционного проекта «Транстихоокеанское партнёрство», с экономической точки зрения американское правительство должно было предложить союзникам и странам-партнерам или лучшую альтернативу соблазнительной инициативе КНР «Один пояс, один путь».

Так, тогдашний госсекретарь США М. Помпео, «антикитайский авангард» администрации Д. Трампа в глазах Пекина, был крайне враждебно настроен по отношению к инициативе ОПОП. Он не только неоднократно публично ее критиковал, но также оказывал прямое давление на руководство Пакистана, Панамы, Израиля и других стран, чтобы они проявляли осторожность в отношении китайских инвестиций и сокращали экономическое сотрудничество с Китаем. Кроме того, М. Помпео однажды назвал «хищнической экономической деятельностью» китайских государственных предприятий реализацию конкретных проектов ОПОП [21]. Поздние он заявил, что инициатива «Один пояс, один путь» — это «неэкономическое предложение», а США «усердно работают, чтобы убедиться, что все в мире понимают эту угрозу» [22].

На правительственном уровне действия в противостоянии США-КНР принято отсчитывать с 22 марта 2018 г., когда Д. Трамп подписал меморандум «О борьбе с экономической агрессией Китая», который позволил ввести ограничения в отношении продукции из Китая. Сразу же начали действовать ввозные пошлины на сталь в 25% и на алюминий в 10%. В ответ, 1 апреля 2018 Китай ввел пошлины на 128 американских товаров (от 15 до 25%). Это и было фактическим началом полномасштабной торговой войны.

Затем, несмотря на переговоры и консультации сторон, список взаимных пошлин, тарифов и запретов только расширялся и к лету 2019 г. они достигли апогея. Так, 23 августа 2019 г. Д. Трамп заявил о том, что с 1 октября товары из Китая на сумму 250 млрд долл., уже и так облагавшиеся повышенной пошлиной в 25%, КНР будут платить пошлину в 30%. Остальная продукция из КНР на сумму 300 млрд долл., перейдет на повышенную ставку в 15%. Не смогло предотвратить их реализацию даже обещание КНР в этом случае установить полный запрет на ввоз большинства сельскохозяйственной и технологической продукции из США.

Одновременно с этим, администрация Д. Трампа предложила платформу для противодействия инициативе «Один пояс, один путь» предполагающую строительство свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, и защиту основанного на американских правилах международного порядка. При этом, в рассуждении «о порядке» проявилась позиция США, отвергавшего возможность урегулирования проблем с помощью международно-правовых механизмом. В частности, когда Китай подал иск во Всемирную торговую организацию, американская администрация внесла в Конгресс законопроект, позволявший игнорировать любые требования ВТО, а Д. Трамп заявил, США могут и вовсе покинуть Организацию [1, с. 199].

При этом американская сторона продолжала активно искать союзников в регионе, чтобы Китай воспринимался как экспансионист, и как можно больше правительств выразило бы поддержку позиции США в торговом и политическом противостоянии. Тем более, что положительной стороной сокращения китайского экспорта в США является потенциальная переориентация американского импорта на некитайских поставщиков, особенно в Восточной Азии, где экспортные структуры имеют некоторое сходство с Китаем.

Наблюдалось и прямое противодействие развитию проектов ОПОП, в связи с чем США предполагали поддерживать строительство «высоко-качественной инфраструктуры», в основном, для этого использовались финансовые ресурсы союзников. Так, США углубили координацию с Японией, Австралией и Индией, чтобы предложить странам Индо-Тихоокеанского региона собственную схему кредитования для строительства

электростанций, дорог, мостов, портов и другой инфраструктуры. Причем США, Япония и Индия пытались запустить инициативу «Индо-Тихоокеанского трехстороннего инфраструктурного форума», чтобы мобилизовать частные ресурсы местных финансовых организаций для участия в конкуренции с Китаем.

В 2018 г. в США был подписан закон о запрете использования государственными ведомствами устройств для связи ряда китайских производителей. В 2019 г. Д. Трамп подписал указ, вводящий режим чрезвычайного положения для защиты сетей связи от «иностранных противников» [4, с. 70]. Компания Ниаwei и ее филиалы были внесены в «черный список» организаций с которыми запрещено сотрудничать, американским фирмам запрещено продавать запчасти и программное обеспечение китайской ZTE Corp. Путем давления США срывали сделки китайских компаний по установке сетей 5G в Европе.

Происходило замедление развития, не только китайской, но и американской и мировой экономики. Как результат, 15 января 2020 г., Д. Трамп вместе с китайским вице-премьером Лю Хэ, подписал торговое соглашение о первой фазе урегулирования торговых противоречий [2, с. 75]. На 86 страницах были изложены условия новых экономических отношений между этими двумя экономическими сверхдержавами. Например, отменялись 15% тарифы, которые планировалось ввести в декабре 2019 года на 160-миллиардный объем китайских (в основном потребительских) товаров, вдвое снижается 15% тариф на 120 млрд на основные промышленные товары. В обмен Китай согласился не повышать тарифы на американские автомобили и другие товары на сумму в 60 млрд долл. США [23].

На первый взгляд сделка вышла весьма удачной и для Пекина, и для Вашингтона и она могла перерасти в устойчивое соглашение. На самом деле обе стороны остались весьма недовольны соглашением. В нем прослеживается общая закономерность. Положения, которые на самом деле являются уступками со стороны Китая, часто излагались таким образом, что они формально применяются к обеим сторонам, но с подпунктами, определяющими действия, которые должны предпринять лишь китайцы [13]. Как заявил аналитик «Цинхуа» Го Синьнин: «Фактически, это был рациональный выбор в условиях невозможности достижения сделки дру-

гими способами» [24] и он урегулировал ситуацию лишь в кратковременной перспективе. Это и было подтверждено уже 19 августа 2020 г. когда Д. Трамп отказался от проведения переговоров с китайской стороной, обвинив КНР в распространении по всему миру вируса COVID-19 [2, с. 80].

Казалось бы, приход к власти в США группы «демократических глобалистов» должно было смягчить ситуацию, хотя бы в части экономического взаимодействия. Но здесь, на первый план стали выходить политические и военные противоречия Пекина и Вашингтона. Так, Госсекретарь США Э. Блинкен назвал стратегическое соперничество с Китаем крупнейшим геополитическим вызовом, стоящим перед США. Э. Ратнер, советник министра обороны США по внешней политике и обороне, и известный как автор индо-тихоокеанского курса США в администрации демократов, в феврале 2021 г. сформировал положение, что Китай представляет собой проблему матрицы, которая проникла во все области, включая экономику, технологии, идеологию, национальную безопасность и дипломатию. А сам Дж. Байден 28 апреля 2021 г. выступая на совместном заседании Конгресса, заявил: «Мы соревнуемся с Китаем и другими странами за победу в двадцать первом веке» [11, с. 256].

Если Китай был твердо намерен закрепится в широком круге стран, то США были намерены этому четко противодействовать. Причем новая администрация Дж. Байдена планировала (в отличие от Д. Трампа), что новые санкции должны применяться точечно, против КНР. С дипломатической же точки зрения проект сдерживания Китая сводится к ограничению влияния Пекина в региональных международных организациях и снижения получения экономических выгод от участия в них.

Хотя здесь отметим особую роль руководства Китая в активизации дипломатических усилий по переустройству мировой архитектуры и использования площадки БРИКС, для продвижения новых инициатив. Например, саммит БРИКС 2021 г., был использован китайской делегацией, отчасти, для того чтобы запустить инициативу «Глобального развития», ставшую, по сути, развитием инициативы «Один пояс, один путь», но уже во всемирном масштабе. Как заявил в своем выступлении на саммите БРИКС 2021 г., Председатель КНР Си Цзиньпин: «Необходимо серьезно реализовать Стратегию экономического партнерства БРИКС до 2025 года и расширять

сотрудничество в таких областях, как торговля и инвестиции, технологии и инновации, а также экологичное и низкоуглеродное развитие» [25].

На проходившем в Великобритании саммите G7 в июне 2021 г. администрация Дж. Байдена попыталась сплотить национальных лидеров, в частности, выдвинув инициативу «Построить лучший мир». В данной инициативе подчеркивается, что «развитые демократии» должны сотрудничать и оказывать поддержку усилиям развивающихся стран по созданию инфраструктуры, чтобы помочь сократить потребность в инфраструктуре в размере более 40 триллионов долларов. Если бы данный проект стал действительно воплощаться, то его можно было бы рассматривать как важнейшую стратегическую меру, направленную на противодействие сотрудничеству в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» [9]. Хотя на практике, финансовые возможности этой инициативы, и так довольно ограничные, становятся еще более зыбкими, на фоне резко возросших затрат стран Запада на военное противостояние России, и перманентного бюджетного кризиса в США, поставившего под вопрос, в первую очередь, расходы на вложения в экономическое развитие зарубежных стран.

Таким образом, инициатива «Один пояс, один путь» является знаковым внешнеполитическим проектом эпохи Си Цзиньпина, символизирующим, что Китай больше не придерживается давней сдержанной стратегии участия в глобальных делах, и его внешняя деятельность, особенно в области закрепления своих внешнеэкономических интересов политическими средствами стала более уверенной.

Но если Китай рассматривает инициативу «Один пояс, один путь» как пример своего ответственного подхода к экономическому развитию других стран, стараясь проиллюстрировать, что он содействует глобальной взаимосвязи народов и культур и играет важную роль в предоставлении общественных благ (таких, как развитие инфраструктуры), то США видят эту инициативу в совершенно ином свете. Так, и для самого Д. Трампа, и для подавляющего большинства членов его администрации, именно Китай представлялся наибольшей угрозой для американских (особенно экономических) интересов, как в мировом пространстве, так и в контексте развития собственно американской экономики. При этом инициатива «Один пояс, один путь» представлялась хитрым ходом, чтобы Пекин стал

не только экономическим, но и политическим центром всего Незападного мира, тогда как власти в Вашингтоне неоднократно подчеркивали, что намерены оставаться не только трансатлантической, но и индо-тихоокеанской державой.

И несмотря на радикальные политические противоречия между администрациями Д. Трампа и Дж. Байдена, тезис о необходимости противодействия усилиям Китая по налаживанию контактов с другими странами остается неизменным. Более того, по мере развития современного кризиса противостояния Запада и незападных государств, в котором все более явственна роль Пекина, данное мнение становится доминирующим во всей западной элите. При этом, перед Вашингтоном стоит стратегическая задача, состоящая в том, чтобы создать вокруг Китая «зону вакуума» союзников и торговых партнеров в регионе, одновременно заверяя руководство других стран, что США намерены удерживать свои позиции и окажут «своим друзьям» всю возможную помощь в возможном конфликте с КНР. Здесь США пытаются использовать тот факт, что традиционно в Азии широко распространено недоверие к намерениям Китая. Это делается, в том числе, и сегодня, когда США провоцируют развитие кризиса вокруг Тайваня.

И все же, задача Вашингтона представляется исключительно трудно выполнимой в современных условиях, когда Китай демонстрирует не только продолжающийся собственный экономический рост (несмотря на давление Запада и «постковидные» сложности), но и стремление продолжать наращивать сотрудничество с любыми заинтересованными в этом партнерами (в том числе, с Россией). Мало того, традиционное для Китая экономическое направление в сфере инфраструктуры и торговли, сегодня дополняется предложением об использовании возможностей, предоставляемых новой научно-технической революцией и промышленными преобразованиями, чтобы способствовать инновациям во всем мире, и, кроме того, помочь развивающимся странам ускорить развитие цифровой экономики.

Список литературы

1. Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для

- мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. С. 187-206.
- Гордиенко Д. В. Торговая война и санкционная борьба США И КНР // Вестник МФЮА. 2021. № 1. — С. 68–88.
- 3. Концур А. В. Столкновение интересов США и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 4. С. 20—26.
- 4. Римкевич С.В., Савинов Ю. А. Использование экономических санкций в торговой войне на рынке оборудования связи // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 7. С. 68–87.
- 5. Цзя Сун. Роль Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (абии) в реализации проекта «экономический пояс Шелкового пути» // Инновации и инвестиции. 2016. № 5. С. 61–66.
- 6. Adams Olivia. The G7's B3W Infrastructure Initiative, a Rival to China's BRI // Asia Pacific Foundation of Canada. https://www.asiapacific.ca/publication/g7s-b3w-infrastructure-initiative-rival-chinas-bri (date of application 11.05.2023)
- Dezenski Elaine K. Below the Belt and Road Corruption and Illicit Dealings in China's Global Infrastructure // Monograph FDD. — Washington, DC. FDD Press. 2020.— 29 p.
- 8. Liu Haiquan. The Security Challenges of the "One Belt, One Road" Initiative and China's Choices // CIRR. 2017. Vol. XXIII. № 78. pp. 129–147.
- 9. Mahmood A., Khan M.I., Ali S., Abbas Z., Khan N. The Role of Chinese Regimes of Asian Infrastructure Investment Bank and the Belt and Road Initiative in the Transformation of Its Energy Diplomacy: Quest for Economic Sustainability // Sustainability. 2022. Vol. 14, Issue 24. p. 16997.
- 10. Palley T. Globalization Checkmated? Political and Geopolitical Contradictions Coming Home to Roost. // Political Economy Research Institute. University of Massachusetts Amherst. Working Paper Series 2018. № . 466.—24 p.
- 11. Zhao M. The Belt and Road Initiative and China–US strategic competition. // China Int Strategy. 2021. Rev.3. Vol. 2. pp. 248–260.
- 12. 韦宗友 战略焦虑与美国对"一带一路"倡议的认知及政策变化 // Southeast Asian Affairs. 2018. № 4. General Serial № 176.—13 p.

- 13. Gross domestic product (GDP) at current prices in China from 1985 to 2022 with forecasts until 2028 (in billion U. S. Dollars) // Statista 2023. URL: https://www.statista.com/statistics/263770/gross-domestic-product-gdp-of-china/ (date of application 11.05.2023).
- 14. Asian Infrastructure Investment Bank // Congressional Research Service (CRS). Updated May 4, 2023. Ver. 18. IF10154.
- 15. Chance Alek. The 'Belt and Road Initiative' Is Not 'China's Marshall Plan'. Why Not? // The Diplomat. URL: https://thediplomat.com/2016/01/the-belt-and-road-initiative-is-not-chinas-marshall-plan-why-not/ (date of application 11.05.2023).
- 16. Curran Enda. The AIIB: China's World Bank // Bloomberg. URL: https://www.bloomberg.com/quicktake/chinas-world-bank (date of application 11.05.2023).
- 17. Amadeo Kimberly. US Trade Deficit With China. // The balance. URL: https://www.thebalance.com/u-s-china-trade-deficit-causes-effects-and-solutions-3306277 (date of application 11.05.2023).
- 18. Navarro P. Trump's Tariffs Are a Defense Against China's Aggression [Electronic resource] // Wall Street Journal. URL: https://www.thebalance.com/u-s-china-trade-deficit-causes-effects-and-solutions-3306277 (date of application 11.05.2023).
- 19. Karni Annie. Trump rants behind closed doors with CEOs. // Politico. URL: https://www.politico.com/story/2018/08/08/trump-executive-dinner-bed-minster-china-766609 (date of application 11.05.2023).
- 20. The National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: White House, December 2017 // White House. URL: https://www.hsdl.org/?view&did=806478 (date of application 11.05.2023).
- 21. Wong Edward. Mike Pompeo warns Panama against doing business with China. // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2018/10/19/world/americas/mike-pompeo-panama-china.html (date of application 11.05.2023).
- 22. Pompeo Michael. Conversation with Rich Lowry at the National Review Institute's 2019 ideas summit. // U. S. Department of State. URL: https://www.state.gov/conversation-with-rich-lowry-at-the-national-review-institutes-2019-ideas-summit/ (date of application 11.05.2023).

- 23. Tran Hung. What's next for China-U.S. trade and what it means for the world [Electronic resource] // World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/agenda/2019/12/what-s-next-for-china-u-s-trade-and-what-it-means-for-the-world/ (date of application 11.05.2023).
- 24. Эксперты прокомментировали первую фазу торговой сделки между США и КНР [Электронный ресурс] // РИА. URL: https://ria.ru/20200115/1563423332.html (дата обращения 11.05.2023).
- 25. Xi's speech at the 13th BRICS summit (Full text) // China Daily. URL: https://www.chinadailyhk.com/article/237795 (date of application 11.05.2023).

УДК 348.71

Влияние религиозного аспекта на политику США

Сорокин Александр Николаевич

студент кафедры Регионоведения АТР факультета Иностранных языков Иркутского государственного университета

Аннотация: В статье рассматривается влияние религии на политику Соединенных Штатов Америки, история формирование религиозно-политического аспекта, как одного из сильнейших инструментов влияния на сознание американцев, взаимосвязь религии и демократии, влияние религиозного аспекта на избирательный аппарат США, а также отношение американцев к влиянию, которая религия оказывает на политику страны.

Abstract: The article discusses the influence of religion on the politics of the United States of America, the history of the formation of the religious-political aspect as one of the strongest tools of influence on the consciousness of Americans, the relationship between religion and democracy, the influence of the religious aspect on the electoral apparatus of the United States, and the attitude of Americans to the influence that religion has on the politics of the country.

Ключевые слова: США, религия, политика, вера, протестант, католик, конституция, выборы.

Keywords: USA, religion, politics, faith, Protestant, Catholic, constitution, elections.

Религия в США может быть охарактеризована как разнообразие широких верований, так и высоким уровнем приверженности. На протяжении всей

своей короткой истории Соединенные Штаты были местом процветания множества религиозных конфессий и, являясь мультикультурной страной, Америка стала одной из самых разнообразных в религиозном отношении наций в мире.

Таким образом, при анализе теоретического материала можно утверждать, что решающую роль в истории Соединенных Штатов сыграло понятие свободы вероисповедания. Первыми, кто прибыл и решил колонизировать Америку были европейцы, которые бежали от религиозного оплота в своей страны, а также от принудительно навязываемых идей государственными церквями. Бывшие колонисты верили в идею организации страны таким образом, чтобы церковь и государство были отделены друг от друга.

Таким образом, сопоставляя Соединенные Штаты с другими странами, есть веские основания ожидать, что религия практически не будет оказывать влияния на американскую политику. Однако если посмотреть на нынешнюю ситуацию в Америки, то можно заметить, что религиозно-политипическая картина свидетельствует об обратном.

Согласно первой поправки Конституции США в стране не может быть установлена официальная религия, и с момента основания страны не угасают споры от том, где должна быть проведена граница между религией и политикой среди американцев. Хотя в Конституции США нет никакого упоминания о Боге, почти во всех конституциях штатов идет упоминание либо о Боге, либо о божественном. Также, «божественное» можно найти в Декларации независимости, Клятве верности и валюте страны.

«Исторически сложилось, что вера и политика в США неразрывно связаны друг с другом. Религия является полноценным игроком в сфере политики, влияя на процессы принятия политических решений, обусловливая это культурными основами американского общества. Протестантская вера эпохи основателей наложила на современную политическую жизнь США отпечаток избранного народа, миссионеров, способных изменить мир» [1, с. 362].

Стоит отметить, что начиная с момента основания американской нации и до XXI в. между религий и политикой установилась крепкая взаимосвязь. Одними из ключевых аспектов зарождения американской нации были рели-

гиозным мотивы. Заселение колоний началось в период религиозных волнение в Европе, а также многие колоний объявили религиозную диктатуру. Благодаря этим факторам политика США насыщена религиозным духом.

В конце XX в. в американском общество разразилось соперничество между эмигрантами и коренным населением, спровоцированное различными религиозными течениями. Как отмечает в своей работе Ефременко Н.В «это переросло в борьбу между католиками и протестантами, поскольку первые вызывали ассоциацию с чужаками. Из-за противоборства у католиков были незначительные шансы занять основные посты в политическом спектре» [8]. «Во-первых, католическое население превосходит протестантские деноминации. Во-вторых, политики с католической верой всегда имеют меньше шансов завоевать голоса протестантов-избирателей, чем наоборот. Также, католик-политик стремится соблюдать предписания Ватикана как внешней силы, обладающей сакральным значением. И в-третьих, протестантство как течение предполагает большую социальную и политическую активность, чем католицизм» [2].

Важность религии на политику в Америке демонстрирует тот факт, что во время выборов на посты в сенат или конгресс евангелисты оказали значительную роль. Также, влияние религии отражается в увеличении числа евангелистов, избираемых в конгресс. Произошел сдвиг в соотношении сил, которыми обладают различные религии: консервативные религии набрали силу, а либеральные, наоборот, ослабли.

Считаем необходимым подчеркнуть, что подавляющие большинство депутатов в Конгрессе США всегда были христианами, и согласно анализу Pew Research Center, проведенному в 2021 г., примерно девять из десяти представителей (88%) в Конгрессе, включая 99% республиканцев и 78% демократов, идентифицируют себя как христиане [7].

Протестантская религия имеет наибольшее влияние на американскую политику, после следует католическая, а затем другие религии. С точки зрения значимости, религия оказывает большее влияние на политику, чем сами государства. Американская политика глубоко переплетена с религией и важность этого фактора заключается в том, что он формирует политическую идентичность и ценности. Это одни из основных аспектов, который влияет на принятие решения американских избирателей во время голосования на

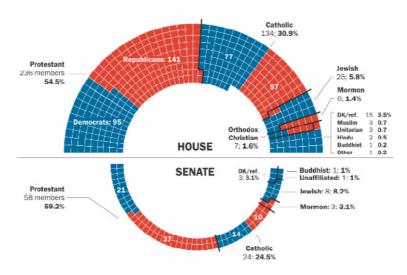

Рисунок 1. The religious makeup of the 117th Congress [7]

выборах. Взгляды политика на различные актуальные в стране вопросы определяют, будут ли религиозные люди голосовать за него или за нее.

Стоит отметить, что значимость религии в американской политике хорошо заметна во время президентских кампаний. Это еще раз демонстрирует важность этого фактора фактором в политике. Например, выборы 2004 г., когда, евангелисты набрали 40% голосов от общего числа голосов президента Буша. Политики всегда прибегали к религиозному аспекту, чтобы заручиться огромной поддержкой для себя или дискредитировать своих оппонентов [4].

Стоит отметить, что почти все президенты США, включая нынешнего Дж. Байдена, придерживались христианства. Джо Байден является вторым президентом-католиком в истории США, при этом львиная доля других были протестантами, а такие президенты Т. Джефферсон и А. Линкольн вообще не имели официальной религиозной принадлежности. Более того, большинство президентов приносили присягу, положа руку на Библии, а также традиционно произносят фразу «Да поможет мне Бог».

Также, согласно опросу, проведенному в феврале $2020 \, \text{г.}$, примерно половина американцев считают (52%), что президент должен иметь сильные

религиозные убеждения, даже если его убеждения будут противоречить их собственным [7].

Одними из основных тем дебатов среди политиков являются ценности, которые выражаются различными религиозными течениями, поэтому именно от них зависит, кто победит на выборах.

Очевидно, что американские политики придают большое значение своей «приверженности к вере». «Еще со времен администрации Никсона, среди партии демократов и партии республиканцев, религиозная риторика получила широкое распространение. Президентам, таким как Б. Обама и М. Ромни, приходилось решать возникшие проблемы, связанные с их религиозностью, дыбы подавить сомнения своих избирателей по поводу предполагаемых религиозных отклонений» [5].

Христианство в США всегда занимало лидирующую позицию по вопросам, касающихся иммиграцию, бедность, аборты, однополые браки и войны, а успех или неудача политиков напрямую зависят от позиции, которую они занимают в этих проблемах.

Влияние религии также прослеживается в том, как американцы реагируют на политические проблемы в стране и за ее пределами, и на то, как правительство решает эти политические проблемы. Это повлияло на то, как правительство решает как внутренние, так и внешние проблемы.

Как справедливо отмечает в своей работе Федорова Т.В. «религия выступает в качестве силы, влияющей на сознание народа, как связующий элемент многокультурного государства, как идеология. Здесь религия здесь существует не только в качестве личной веры, но и как элемент политической культуры, которую формирует общество. Намерением отцов Конституции было передать волю Творца в положениях Конституции. Но, как известно, Бог — не только Творец, но и Искупитель, который принял жертвенную смерть» [1, с. 362—363].

Стоит отметить, что Соединенные Штаты Америки являются сильной, развитой демократической страной и, что провозгласили себя «амбассадором» демократии. Не стоит отрицать тот факт, что многие взгляды и убеждения американских политиков находятся под влиянием религии. Так, если брать во внимание внешнюю политику США можно заметить, что основная цель — «попытка исполнения «естественного» социального

и политического порядка на глобальном уровне, в котором должны быть гарантированы равенство, свобода и индивидуальное стремление к счастью в качестве неотъемлемых прав человека» [1, с. 363]. Мы разделяем точку зрения Федоровой Т.В о том, что «религия может в той или иной степени оказать влияние на демократизацию. Если брать во внимание христианство, то эта религия имеет больше всего общего с демократией. Роль Америки как распространителя демократии и мира встречает как поддержку, так и критику. У противников продвижения демократии есть целая группа доводов, почему Америке не стоит брать на себя такую ответственность. Однако существует ряд причин, согласно которым Америка считает своим долгом придерживаться данного направления внешней политики: американский национальные ценности, американский ценности, исторический опыт» [3, с. 372—374].

Добавим, что сами Американцы имеют положительное отношение к религии и ее роли в обществе, однако хотят, чтобы она была вне политики. Взрослое население придерживается мнения, что религиозные институты не должны пересекаться с политикой.

% of U.S. adults who say churches and other houses of worship should ...

Рисунок 2. Most U.S. adults want religious groups to stay out of politics [6]

Как видно из опроса, большинство взрослых американцев (63%) выступают за то, чтобы церкви и другие религиозные организации не вмешивались в решение политических вопросов, в то время как 36% взрослого населения считают, что организации должны выражать мнение, которое касается повседневных вопросов.

During political elections, should churches/other houses of worship come out in favor of one candidate over another?

Рисунок 3. Most U.S. adults want religious groups to stay out of politics [6].

Также исходя из опроса взрослого населения, видно, что львиная доля американцев (76%) придерживаются мнения, что церкви не должны выступать в пользу того или иного кандидата во время выборов.

Благодаря поправки Джонсона политическая деятельность религиозных организаций в США имеет ограничения. Тем не менее, во время президентской гонки в июле 2020 г. американцы, которые посещали церкви за месяц до этого, заявили, что проповеди носили цель поддержать бывшего президента Д. Трампа и нынешнего президента Дж. Байдена, в то время как другие проповеди наоборот призывали не голосовать ни за одного из кандидатов. Однако были такие проповеди, в которых обсуждалась важность политической активности граждан.

Рисунок 4. Most U.S. adults want religious groups to stay out of politics [6]

Кроме того, 37% американцев с большей вероятностью скажут, что церкви и другие религиозные организации, на данные момент, имеют довольное значимое влияние на политику, 28% считают, что влияние религии на политику недостаточное, в то время как оставшиеся 34% полагают, что нынешний уровень влияния религиозных групп на политику примерно соответствует действительности.

С 2017 г. мнение американцев по этим вопросам не менялось. В целом, взрослые население Америки положительно оценивают роль религиозных институтов в американской жизни. Большинство считает, что церкви и религиозные организации приносят больше пользы, чем вреда американскому обществу, в то время как каждый пятый американец говорит, что религиозные организации приносят больше вреда, чем пользы. Аналогичным образом, большинство взрослых американцев считают, что благодаря религии идет тенденция на укрепление норм морали в обществе, а также она способствует объединению людей.

Таким образом, анализ теоретического материала позволяет сделать вывод, что с момента создания американской конституции и до XXI в. ре-

лигия всегда оставалась важным элементом политики Соединенных Штатов Америки. Так, в течение нескольких лет после принятия конституции отцы-основатели предпринимали попытки держать конституцию в стороне от политики, но эти старания оказались безуспешными. Несмотря на то, что в американском обществе имеется негативное отношение к религиозному аспекту в политике страны, полностью избавиться от влияния религии практически невозможно, поскольку религия создавалась как инструмент управление людьми. Таким образом, с момента основания политики США, религия всегда была ее частью, не смотря на то, что важность религии в американской политике вызывает множество противоречий и споров. Религия сформировала характер избирателей и политиков, она повлияла на то, как американская нация реагирует на политические события внутри страны и за ее пределами.

Список литературы

- 1. Степанов, А. В., Федорова Т. В. Значение протестантской церкви США в политической жизни государства // V Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готлиба, Иркутск, 19—21 октября 2021 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 361—366. EDN YKZKSM.
- 2. Елизарова Д.И., Макаров Е. П. Религиозная политика в США как фактор политического влияния в регионе // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 5 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2019/05/89476.
- 3. Степанов, А. В., Федорова Т. В. Демократия сегодня: методологические аспекты формирования демократии и роль США в данном процессе // V Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готлиба, Ир-

- кутск, 19—21 октября 2021 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 367—376. EDN XJDOQE.
- 4. Эссе о важности религии в американской политике. // IvyPanda. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://ivypanda.com/essays/importance-of-religion-in-american-politics.
- 5. П. Фрозе. Религия и американская политика с глобальной точки зрения. // Факультет социологии, Бейлорский университет, One Bear Place #97326, Уэйко, Texac 76798, США. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/264651937_Religion_and_American_Politics_from_a_Global_Perspective.
- 6. Pew Research Center //Американцы положительно относятся к роли религии в обществе, но хотят, чтобы она была вне политики. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2019/11/15/americanshave-positive-views-about-religions-role-in-society-but-want-it-out-of-politics.
- Р. Лепперт, Д. Фами. 10 фактов о религии и политики в США // Pew Research Center/ 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/07/05/10-facts-about-religion-and-government-in-the-united-states.
- 8. Ефременко Н. В. Религиозный фактор в эволюции политической системы США (XVII начало XXI вв.) // Человек и наука. 2005. [Электронный ресурс]. URL: https://cheloveknauka.com/religioznyy-faktor-v-evolyutsii-politicheskoy-sistemy-ssha.

УДК 328

Роль Германии в Югославском кризисе 1991-2008 гг.

Вагнер Оливер

бакалавр Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: Во время Югославского кризиса Германия занимала сложную и многоаспектную роль. Как одна из ведущих европейских держав, Германия имела заинтересованность в стабильности и мире в своем соседнем регионе. Она сыграла ключевую роль в диплома-

тических усилиях по разрешению конфликта и предотвращению его дальнейшего эскалации. Экономическое влияние Германии в регионе также оказало влияние на Югославский кризис. Германия была одним из основных торговых партнеров и инвесторов в Югославии, и ее экономические интересы сыграли роль в формировании ее подхода к конфликту. Экономическая политика Германии в отношении Югославии во время кризиса имела последствия для экономической стабильности и восстановления страны. Кроме того, роль Германии в Югославском кризисе имела последствия для ее собственной внешней политики и позиции в Европе. Кризис проверил способность Германии проявить себя как ведущая европейская держава и навигировать в сложных международных отношениях. Он также вызвал вопросы о ответственности Германии и ее подходе к конфликтам в своем непосредственном окружении. В целом, понимание роли Германии в Югославском кризисе является важным для всестороннего анализа конфликта и его последствий.

Abstract: During the Yugoslav crisis, Germany took a complex and multidimensional role. As one of the leading European powers, Germany had a stake in stability and peace in its neighboring region. It played a key role in diplomatic efforts to resolve the conflict and prevent further escalation. Germany's economic influence in the region also had an impact on the Yugoslav crisis. Germany was a major trading partner and investor in Yugoslavia, and its economic interests played a role in shaping its approach to the conflict. Germany's economic policy toward Yugoslavia during the crisis had implications for the country's economic stability and recovery. In addition, Germany's role in the Yugoslav crisis had implications for its own foreign policy and position in Europe. The crisis tested Germany's ability to prove itself as a leading European power and to navigate complex international relations. It also raised questions about German responsibility and its approach to conflicts in its immediate neighborhood. Overall, understanding Germany's role in the Yugoslav crisis is essential for a comprehensive analysis of the conflict and its aftermath.

Ключевые слова: гражданская война, дипломатия, экономические проблемы, НАТО, Европа.

Keywords: Civil war, diplomacy, economic problems, NATO, Europe.

Введение

Югославский кризис, разразившийся с 1991 по 2008 годы, является одним из наиболее значимых событий в новейшей истории Европы. Он охватил территорию бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии и привел к серии этнических конфликтов, насилию и гражданской войне.

В этом контексте, внимание исследователей привлекла роль Германии — одной из ведущих европейских держав — в Югославском кризисе. Германия в то время имела значительный политический, экономический и дипломатический вес, и ее реакция и действия имели важное значение для разрешения конфликта и его последствий.

Цель данного исследования — проанализировать роль Германии в Югославском кризисе, рассмотреть ее реакцию на развитие конфликта, дипломатические действия, экономическое влияние и оценить последствия этой роли.

При изучении роли Германии в Югославском кризисе важно также рассмотреть его предысторию и контекст. Исторические и социальные факторы, которые привели к развитию кризиса, а также внешнеполитическая ситуация в Европе в то время, будут обозначены для лучшего понимания обстоятельств.

Данное исследование имеет актуальность и значимость, так как помогает вникнуть в сложности и многообразие Югославского кризиса, а также предоставляет возможность оценить роль одной из ключевых актеров, Германии, в этом конфликте. Понимание роли Германии в Югославском кризисе способствует глубокому анализу его динамики и последствий, а также обогащает общую картину истории и политики Европы.

Предыстория и контекст

Югославский кризис был продуктом ряда исторических и социальных факторов, которые накопились на протяжении десятилетий. После Второй мировой войны Югославия была единой многонациональной страной под коммунистическим правлением, которое поддерживало баланс между различными национальностями в рамках страны.

Однако внутренние напряжения росли, поскольку многие из этих национальностей страдали от ущемления и не равного представительства. Экономические проблемы, усиливающиеся этнические противоречия, усугублялись политической нестабильностью, вызванной смертью президента Тито в 1980 году.

В конце концов, серия националистических движений и сепаратистских тенденций привела к серии вооруженных конфликтов в начале 1990х годов, известных как войны в Югославии.

На фоне этого кризиса, Европа оставалась в состоянии перемен. Со конца 1980-х годов и в 1990-е годы, после падения Берлинской стены и распада Советского Союза, Европа переживала серьезные политические переориентации.

Союзы и альянсы менялись, появилась новая геополитическая реальность. Западные страны стремились расширить свое влияние на Восток, что часто включало поддержку новых, независимых государств, вышедших из-под контроля Советского Союза и Югославии.

В этом контексте, Германия играла ключевую роль в развитии Европейского Союза (ЕС) и Североатлантического альянса (НАТО). После объединения в 1990 году, Германия стала важнейшим экономическим и политическим игроком в Европе.

Германия стала двигателем дальнейшего расширения ЕС, поддерживая включение Восточной Европы в европейскую экономическую и политическую систему. Страна стала ключевым сторонником Маастрихтского договора 1992 года, который заложил основу для введения единой европейской валюты и дальнейшей интеграции Европейских стран.

В контексте НАТО, Германия также играла активную роль, в частности в усилиях по расширению альянса. Германия поддерживала вступление Восточноевропейских стран в НАТО, включая тех, которые ранее были частью Варшавского договора, демонстрируя тем самым свою готовность поддерживать усилия по укреплению общеевропейской безопасности.

Таким образом, в период Югославского кризиса, Германия была важным игроком на европейской арене, сильно влияя на развитие региональных институтов и внешнеполитическую ситуацию в целом.

Германия и развитие кризиса

С середины двадцатого века и до начала Югославского кризиса Германия установила тесные дипломатические, экономические и культурные связи с федеральными республиками Югославии. Это было частично связано с на-

личием значительной немецкой диаспоры в Югославии, особенно в Словении и Хорватии, и общими историческими и культурными связями. Германия в значительной степени способствовала развитию экономики этих республик через прямые инвестиции, торговые отношения и техническую помощь.

С началом Югославского кризиса Германия проявила себя как активный участник международного сообщества, призывая к немедленному прекращению насилия и к мирному урегулированию конфликта. Власти Германии быстро подтвердили свою готовность выступить в роли посредника в переговорах между сторонами конфликта, включая встречи на высшем уровне и миротворческие инициативы.

После объявления независимости Словенией и Хорватией в 1991 году, Германия стала одной из первых стран, которые признали их суверенитет. Это было решением, которое вызвало контрверсии внутри Европейского Союза и среди других международных партнеров. Тем не менее, Германия утверждала, что уважение к праву на самоопределение и суверенитету народов является важной частью ее внешней политики.

Немецкая диаспора в Югославии, особенно в Хорватии и Словении, играла важную роль в формировании отношения Германии к Югославскому кризису. Сильные связи между немцами, живущими в этих регионах, и их исторической родиной привели к значительному политическому давлению внутри Германии, особенно от тех, кто выступал за признание независимости этих республик.

Эмигрантские группы, включая организации немцев Югославии, проводили мероприятия и кампании, призывая к большей поддержке со стороны Германии и к признанию независимости. Эти инициативы оказали значительное влияние на общественное мнение и политический диалог в Германии, что, в свою очередь, повлияло на официальную позицию германского правительства по вопросу признания независимости.

В целом, положение Германии во время Югославского кризиса было результатом сложного взаимодействия внешнеполитических обязательств, внутренних политических давлений и глубоко укорененных исторических и культурных связей. Германия играла ключевую роль в развитии кризиса и в усилиях по его решению, демонстрируя свою активную позицию в вопросах международной безопасности и дипломатии.

Роль Германии в международной дипломатии

В рамках ЕС и ООН Германия заняла активную позицию, стремясь к мирному разрешению Югославского кризиса. Германия использовала свои дипломатические каналы для поощрения мирных переговоров, участвовала в разработке резолюций ООН, призывающих к прекращению насилия, и активно поддерживала усилия ЕС по медиации конфликта.

Кроме того, Германия была одним из ключевых акторов в принятии Бадинтеровой комиссии ЕС, которая исследовала правовые аспекты развития кризиса, включая вопросы суверенитета и признания независимости.

Во время Югославского кризиса Германия поддерживала диалог и сотрудничество с другими международными акторами, включая США и Россию. Хотя подходы к решению кризиса могли различаться, стремление к поддержанию региональной стабильности и предотвращению дальнейшего эскалирования конфликта объединяло эти страны.

Германия активно взаимодействовала со своими союзниками в НАТО и вместе с США принимала участие в разработке международного ответа на кризис. С Россией, несмотря на разногласия по некоторым вопросам, Германия также стремилась к диалогу и сотрудничеству.

Несмотря на нарастающую напряженность и вспышки насилия, Германия изначально была склонна к политическому, а не военному решению Югославского кризиса. Германия настаивала на том, что мирные переговоры и дипломатия должны быть основными инструментами в решении кризиса. Однако, по мере эскалации насилия, Германия была вынуждена пересмотреть свою позицию.

В этом контексте Германия поддержала создание миротворческих сил под эгидой ООН и НАТО. Это было не простым решением, учитывая традиционную немецкую осторожность в вопросах военного вмешательства после Второй мировой войны. Тем не менее, уважение к правам человека и стремление предотвратить гуманитарную катастрофу в итоге взяли верх, и Германия приняла активное участие в международных миротворческих миссиях в Югославии.

Таким образом, в целом, Германия играла активную и многофункциональную роль в Югославском кризисе, обеспечивая дипломатические уси-

лия по его разрешению, участвуя в международных миротворческих операциях и поддерживая суверенитет и право на самоопределение народов Югославии. Это был период, когда Германия продемонстрировала свою способность и готовность активно участвовать в международных дипломатических усилиях и сотрудничестве в целях поддержания мира и стабильности.

Экономическое влияние Германии

Германия, как ведущая экономика Европейского Союза, оказала значительную экономическую поддержку странам Югославии во время кризиса. Эта поддержка осуществлялась через прямые гранты и кредиты, предназначенные для стабилизации экономики, облегчения гуманитарного кризиса и обеспечения базовых потребностей населения в условиях конфликта. Таким образом, экономическое влияние Германии оказало существенное влияние на смягчение негативных последствий кризиса для многих людей в регионе.

В этот период, несмотря на нестабильность, немецкие компании продолжали работать в Югославии, поддерживая экономическую активность и обеспечивая рабочие места. Немецкие компании, работавшие в областях производства, строительства, технологий и услуг, оказывали значительное влияние на местные экономики, поддерживая спрос и предложение в этих секторах.

Кроме того, немецкие инвесторы продолжали инвестировать в регион, несмотря на политические и экономические риски. Это помогло поддержать экономическую стабильность и смягчить последствия кризиса.

После окончания конфликта, Германия оставалась ключевым экономическим партнером Югославии, вкладывая значительные ресурсы в процесс восстановления и развития стран региона. Это включало предоставление грантов и кредитов для реконструкции, поддержку прямых иностранных инвестиций, а также техническую помощь в процессе институциональных реформ и перехода к рыночной экономике.

Таким образом, экономическое влияние Германии оказало существенное влияние на процессы восстановления и развития после кризиса. Гер-

манские компании и инвесторы играли ключевую роль в восстановлении инфраструктуры, создании рабочих мест и стимулировании экономического роста. Это помогло не только улучшить качество жизни людей в странах Югославии, но и укрепить экономические связи между Германией и Югославией.

Кроме того, Германия оказала значительную поддержку в процессе интеграции стран бывшей Югославии в Европейский Союз. Это включало поддержку в процессе присоединения к ЕС, обучение и развитие навыков, а также помощь в развитии институциональной структуры, необходимой для выполнения требований членства в ЕС.

Следует отметить, что экономическое влияние Германии в Югославии не было ограничено только восстановлением после кризиса. Германия также играла важную роль в долгосрочном экономическом развитии региона, стимулируя инновации, инвестиции и торговлю. Это помогло странам бывшей Югославии укрепить свои экономики и улучшить качество жизни своих граждан.

Таким образом, экономическое влияние Германии на Югославию было многофакторным и многоуровневым, оказывая важное влияние на стабилизацию, восстановление и долгосрочное развитие региона.

Последствия и оценка роли Германии

Роль Германии в Югославском кризисе была многообразной и сложной. Германия внесла значительный вклад в усилия по урегулированию конфликта, включая активное участие в дипломатических переговорах, предоставление гуманитарной помощи и экономическую поддержку. Эти действия помогли облегчить гуманитарный кризис и способствовали деэскалации конфликта.

Однако решение Германии быстро признать независимость Хорватии и Словении вызвало контропродуктивные эффекты, поскольку некоторые аналитики считают, что это преждевременное признание могло способствовать усугублению кризиса.

Роль Германии в Югославском кризисе оставила смешанные впечатления в международном сообществе. С одной стороны, Германия была

признана за свои усилия по урегулированию конфликта, предоставлению гуманитарной помощи и поддержке восстановления в регионе. Это подчеркнуло важную роль Германии как глобального лидера и активного участника международной дипломатии.

Однако, с другой стороны, быстрое признание Германией независимости Хорватии и Словении вызвало критику и вызвало вопросы о нейтралитете и эффективности германской внешней политики. Это вызвало некоторое недоверие и осложнило отношения Германии с некоторыми странами.

Политически, Германия укрепила свою позицию как ведущая держава в ЕС, активно участвуя в международных усилиях по урегулированию Югославского кризиса. Однако этот процесс также подчеркнул сложности внешней политики и вызовы, связанные с быстрым признанием независимости стран.

Экономически, Германия получила двойственные результаты. С одной стороны, она увеличила свое влияние в регионе через экономическую помощь и инвестиции, которые помогли восстановлению после войны и способствовали долгосрочному экономическому развитию стран Югославии. Однако эти действия также обходились дорого Германии, включая стоимость помощи и риски, связанные с инвестициями в нестабильном регионе.

Социально, Германия столкнулась с вызовами, связанными с беженцами и мигрантами из Югославии, что потребовало значительных ресурсов и усилий для обеспечения интеграции этих людей в германское общество.

Роль Германии в Югославском кризисе также оказала влияние на дальнейшую интеграцию стран Балканского региона в Европейский Союз. Вклад Германии в урегулирование конфликта, экономическое восстановление и институциональное развитие этих стран поддержал их стремление к интеграции в ЕС.

Несмотря на многообразные усилия Германии, ее роль в кризисе не была без критики. Быстрое признание независимости Хорватии и Словении было объектом многочисленной критики как внутри, так и за пределами Германии.

Оценка эффективности действий Германии в Югославском кризисе зависит от множества факторов. В целом, Германия сыграла важную роль

в условиях регулировании конфликта, помощи в экономическом восстановлении и поддержке интеграции стран Югославии в Европейский Союз. Однако быстрое признание независимости Хорватии и Словении, как уже было отмечено, вызвало некоторые контропродуктивные эффекты и стало предметом критики.

Возможные альтернативные подходы могли бы включать более умеренное и координированное признание независимости новых государств, большую координацию с другими ключевыми международными акторами, а также более активное участие в международных усилиях по прекращению насилия и защите прав человека во время конфликта.

В заключение, роль Германии в Югославском кризисе была многофакторной и оставила значительный след как в самой Югославии, так и в международном сообществе. Этот опыт подчеркнул сложность и вызовы международного вмешательства в конфликтах и выявил ценные уроки для будущего.

Заключение

В ретроспективе, Германия играла значительную роль в Югославском кризисе, как политически, так и экономически. Политически, раннее признание независимости Словении и Хорватии Германией стало одной из ключевых моментов в развитии кризиса. Этот шаг, с одной стороны, ускорил распад Югославии, а с другой стороны, предоставил международную поддержку новым государствам.

Германия, будучи одной из ведущих держав Европы, оказала влияние на последующие процессы после кризиса, включая урегулирование конфликта и процесс восстановления. Германия внесла значительный вклад в предоставление гуманитарной помощи и вложила существенные средства в реабилитацию и восстановление региона после войны.

В общем, роль Германии в Югославском кризисе была довольно велика. Германия, приняв активную политическую позицию и оказав значительное экономическое влияние, стала одной из важных фигур на этапе кризиса и после него.

Германия сыграла важную роль в урегулировании Югославского конфликта, став ключевым донором для региона в послевоенный период. Это

проявлялось как в финансовом поддержании, так и в помощи в реабилитации и восстановлении инфраструктуры региона.

Список литературы

- 1. Аксененко А. Н. Распад Югославии: внутренние и внешние причины. Москва: ИНИОН РАН, 2012.
- 2. Белокурова А. В. Германия и Балканы: политика, экономика, культура. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023.
- 3. Бодрунов В.Д., Михайлов А. В. Распад Югославии: история, причины, последствия. Издательство: «Ламберт», 2020.
- 4. Волкова Ю. В. Политическая роль Германии в конфликтах на Балканах. Санкт-Петербург: Алетейя, 2024.
- 5. Глущенко И.Ю., Кочергина А. М. Внешнеэкономические связи Германии и стран Балканского полуострова. Мировая экономика и международные отношения, № 8, 2022.
- 6. Голубева М. А. Германия и Югославия: война, дипломатия, миротворчество. Москва: Наука, 2023.
- 7. Данилов Н. Н. Германия и войны в Югославии в 90-х гг. XX века: особенности внешнеполитической стратегии. Вестник МГИМО-Университета, № 5 (56), С. 143—158, 2017.
- 8. Загарий В.К. (2023). «Югославский кризис и Европа: сценарии и решения». Журнал «Международные отношения», № 3.
- 9. Кучеров И. Д. Германия и Югославия: от признания до помощи. Мировая политика, Том 14, № 1, 2022.
- 10. Панарина Л. А. Роль Германии в урегулировании балканских конфликтов. Международные процессы, Том 19, № 3, 2021.
- 11. Семенов А. В. Германия в контексте Югославского кризиса: от дипломатии до военной интервенции. Научный журнал НИУ ВШЭ. Серия: Мировая экономика, 2022.
- 12. Смирнов В.И., Скрипкин А. Г. Германия и Югославия: от конфликта к стабильности. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2022.
- 13. Соловьёв А. И. Миротворчество и внешняя политика Германии: случай Югославии. Москва: Наука, 2023.

УДК 327

Приоритеты российской внешней политики в Юго-Восточной Азии

Боднар Игорь Игоревич

аспирант Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева

Аннотация: В статье рассмотрены перспективы развития сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии, проведен анализ отношений России со странами региона. Выявлены слабые стороны сотрудничества между Россией и странами АСЕАН.

Abstract: The article considers the prospects of development of cooperation between Russia and the countries of Southeast Asia. It analyzes the relations between Russia and the countries of the region. Weaknesses of cooperation between Russia and ASEAN countries are revealed.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, внешняя политика, Восточноазиатский саммит.

Keywords: Southeast Asia, ASEAN, foreign policy, East Asia Summit.

Юго-Восточная Азия является одним из быстро развивающихся регионов мира, имеет большой экономический потенциал, и в последние годы попала в центр внимания практически всех крупных мировых держав. Потенциал развития региона, а также географическое расположение стран Юго-Восточной Азии становится важным фактором интенсификации сотрудничества стран этого региона с крупнейшими мировыми экономиками. Традиционно, важным партнером для стран АСЕАН является Китай, в последние годы активно наращивающий инвестиционное, торговое и политическое сотрудничества с этими странами. Еще одним важным игроком в Юго-Восточной Азии в последние десятилетия становится Индия, активно продвигающая свои интересы в данном регионе. Традиционно важными партнерами для стран АСЕАН являются Япония и США, также рассматривающие данный регион, как одно из важных направлений своих внешнеполитических стратегий. Роль России в Юго-Восточной Азии до настоящего времени остается не столь значительной в силе

различных обстоятельств — в первую очередь из-за медленного развития сотрудничества с региональными странами, а также отсутствия необходимого экономического потенциала для интенсификации экономического и инвестиционного сотрудничества с регионом. Тем не менее, данный регион несомненно является важным направлением российской внешней политики и представляет собой новые возможности для сотрудничества по многим направлениям.

В 2016 году исполнилось 20 лет с момента установления диалогового партнерства между странами АСЕАН и Россией. В настоящее время эти страны являются одним из важнейших партнеров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе [1]. Этому способствует тот факт, что между странами региона и Россией не существовало политических разногласий, что давало стимул для развития взаимовыгодного сотрудничества. Кроме этого, и Россия, и страны АСЕАН стремятся модернизировать свои экономики для повышения благосостояния населения и национальной конкурентоспособности. Кроме этого, кризис в отношениях с США и Европейским Союзом дают России дополнительные стимулы для поиска новых партнеров. Развитие сотрудничества России и АСЕАН в политической сфере проходит с помощью различных механизмов взаимодействия — диалоговых партнерств, форумов, и организаций. Россия является членов Восточноазиатского саммита (ВАС), Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС), АСЕАН +8 и других структур регионального сотрудничества [2]. Страны ассоциации рассматривают России в качестве политической силы, способной уравновешивать в регионе влияние других крупных игроков — в первую очередь США и Китая [3].

Сотрудничество России и АСЕАН также развивается и в экономической сфере. Создан ряд организаций, занимающихся развитием экономического сотрудничества России со странами региона. Среди них можно выделить Деловой совет Россия-АСЕАН, занимающийся оценкой перспектив экономик стран региона, анализом наиболее перспективных сфер для экономического сотрудничества, организацией деловых встреч и бизнес форумов, а также привлечением инвестиций из данного региона. Важнейшим партнером России в Юго-Восточной Азии является Вьетнам, еще со времен СССР традиционно имеющий с нашей страной крепкие

политические и экономические связи. Отношения России и Вьетнама обозначены как "Всеобъемлющее стратегическое партнерство", что подчеркивает важность двустороннего сотрудничества между двумя странами. Важным шагом стало создание зоны свободной торговли ЕАЭС-Вьетнам, что открывает возможности для увеличения товарооборота между двумя странами. Традиционно сильной стороной российских связей с Вьетнамом является экспорт вооружений и продукции оборонного-промышленного комплекса. Активно развивается сотрудничество в сфере ядерной энергетики.

Тем не менее, потенциал экономического сотрудничества между Россией и АСЕАН до настоящего времени является не полностью реализованным. Сильными сторонами России в экономических отношениях со странами региона являются традиционно сильные для российской экономики сферы — нефтегазовая промышленность, ядерная энергетика и обороннопромышленный комплекс. В тоже время наблюдается недостаток сотрудничества в таких сферах как высокотехнологичное производство, развитие наукоемких отраслей промышленности. Достаточно слабо развито инвестиционное сотрудничество — Россия и АСЕАН не входят в десятку крупнейших инвесторов в экономики друг друга. Введение санкций в отношении России затрудняет сотрудничество в области высоких технологий, финансов и инвестиций, а также создает угрозу и для уже развитых сфер, например для экспорта российских углеводородов в страны Юго-Восточной Азии.

В заключение, представляется возможным сделать несколько выводов:

- 1. Юго-Восточная Азия является быстроразвивающимся регионом, имеющий огромный экономический потенциал. Внимание в развитию связей и присутствия в регионе уже проявили все крупнейшие экономики мира, в первую очередь США и Китай. Для России сотрудничество со странами региона является важным внешнеполитическим приоритетом, особенно с учетом резкого ухудшения отношений со странами запада и введением различных санкций против российской экономики.
- 2. Отношения России со странами ACEAH в последние десятилетия развиваются через деятельность различных политических и экономических институтов, формирующих базу для расширения сотрудничества.

3. Вьетнам остается основным партнером России в регионе. Экономический потенциал сотрудничества со странами АСЕАН остается не полностью реализованным, существует необходимость наращивания сотрудничества в инвестиционной сфере, а также высокотехнологичных отраслях экономики.

Список литературы

- 1. Задорина, А. М. Перспективы расширения партнерства Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (Асеан) в политике, экономике и обеспечении безопасности // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 2
- 2. Мариан В.П., Синицын А. Ю. Россий-АСЕАН 20 лет сотрудничества // Власть. 2017. № 2.
- 3. Пахомов А.А., Багдасарян К. М. Возможности сближения между евразийским экономическим Союзом и ассоциацией стран Юго-Восточной Азии // Вестник университета. 2017.

УДК 327

Инвестиционное сотрудничество России и Индии на современном этапе

Боднар Игорь Игоревич

аспирант Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева

Аннотация: В статье рассмотрены ключевые особенности и направления инвестиционного сотрудничества между Российской Федерацией и Индией, проведен анализ ключевых сфер взаимодействия между странами в сфере привлечения капитала.

Abstract: The article considers the key features and directions of investment cooperation between the Russian Federation and India, analyzes the key areas of interaction between the countries in the field of capital attraction.

Ключевые слова: Российско-индийские отношения, инвестиционное сотрудничество, энергетика, нефтегазовый сектор.

Keywords: Russian-Indian relations, investment cooperation, energy, oil and gas sector.

Индийско-российские экономические и политические отношения активно развивались с самого начала независимого развития Индии. СССР оказывал Индии значительную финансовую помощь, направляемую в основном на ускоренное развитие и модернизацию индийской экономики, создание базовых отраслей промышленности. Однако, после 1991 г. наблюдался значительный упадок в индийско-российском торгово-экономическом и политическом сотрудничестве, что отразилось в том числе, и на объемах движения капитала между двумя странами. В первую очередь это связано с произошедшими в 1990-е гг. экономическими и политическими изменениями, как в Индии, так и в России. Экономический и финансовый кризис, падение уровня производства и деловой активности в России, смена внешнеполитических приоритетов российским руководством с одной стороны, острейший валютно-финансовый кризис и начавшиеся либеральные преобразования в Индии, а также наложение рядом западных стран экономических санкций в ответ на испытание Индией ядерного оружия, с другой, объективно не создавали благоприятных условий для усиления экономического и политического взаимодействия между двумя странами. Тем не менее, в 2000 г. с подписанием Декларации о стратегическом партнерстве стороны обозначили намерение развивать двусторонние отношения и вывести их на уровень стратегических. Главы государств и правительств Индии и России регулярно взаимодействуют друг с другом в рамках работы различных многосторонних институтов и организаций — G20, БРИКС, ШОС и выступают с общих позиций по таким важным вопросам как необходимость реформирования международной торговой и финансовой системы, развитие многополярного мира, борьба с терроризмом. В 2010 г. было заявлено о создании «особого привилегированного стратегического партнерства» между Индией и Россией, что подразумевает интенсификацию сотрудничества, в том числе в экономической сфере [2, с. 3] Исследователи отмечают, что Индия и Россия

имеют достаточно мощный нереализованный потенциал для развития двусторонних хозяйственных связей, что в будущем может послужить одним из драйверов повышения национальной конкурентоспособности обеих стран [2, с. 4].

Индийско-российское инвестиционное сотрудничество в пореформенный период развития отмечается гораздо большей активностью со стороны индийских инвесторов, нежели российских [2, с. 4]. Объем индийских ПИИ в российскую экономику составляет более 8 млрд долл. Важнейшим направлением приложения индийского предпринимательского капитала является энергетический сектор, в первую очередь нефтегазовая промышленность. Индия и Россия занимают разные места в мировом топливно-энергетическом комплексе (ТЭК). Россия является одним из крупнейших экспортеров нефти и нефтепродуктов, природного газа, в последние годы активно наращивает его экспорт в виде СПГ (сжиженный природный газ). Индия, напротив, является одним из крупнейших мировых потребителей углеводородов и постоянно наращивает импорт энергоносителей [4, с. 105]. Это предопределяет интерес индийских инвесторов к участию в проектах по развитию нефтегазовой промышленности в России. Первым и крупнейшим совместным проектом Роснефти и индийской компании ONGS (Oil and Natural Gas Limited) стал проект «Сахалин-1» по разработке трех месторождений на шельфе в Охотском море. В 2002 г. ONSG инвестировала в этот проект 1.7 млрд долл., что стало одной из крупнейших иностранных инвестиций индийских компаний [9. с. 3]. С 2006 г. Индия получает сырую нефть, а с 2009 г. также СПГ соответственно своей доле в данном проекте [7. с. 94]. В 2016 г. Роснефть продала группе индийских государственных компаний 23,9% акций компании «Ванкорнефть», в дальнейшем планируется доведение их доли до 49,9%. Кроме этого, индийский капитал вложил средства в разработку нефтегазовых месторождений в Томской области и Печорском районе. Роснефть также занимается поставкой в Индию нефти на основании подписанного в 2014 г. соглашения с индийской Essar Group. В последние годы перспективным направлением инвестиционного сотрудничества в нефтегазовой отрасли становится разработка месторождений на арктическом шельфе России. В частности, индийская ONSG проявляет интерес к совместным

проектам в области обмена технологий и добычи углеводородов в этом регионе, что было закреплено подписанием в 2017 г. меморандума о взаимопонимании с российской компанией «Газпром нефть» [7. с. 95].

Помимо нефтегазового сектора можно отметить такие привлекательные для индийского капитала отрасли российской промышленности как фармацевтика, текстильные и галантерейные изделия, обработка алмазов и производство ювелирных украшений, а также автомобильная промышленность [8]. Среди наиболее крупных индийско-российских СП можно выделить Cumi International Limited по производству абразивов в Волжске, Aurospharma Company, занимающуюся производством лекарственных препаратов в основном в форме дженериков [2. с. 4] Осуществляется совместное производство грузовых автомобилей в рамках сотрудничества «ТАТА МОТОРС» и ЗАО «Автомобили и моторы Урала» [7. с. 93]. В области розничной торговли на российском рынке действует индийская Tata Global Beverages Limited, занимающаяся реализацией чайной и кофейной продукции. В последние годы важным направлением деятельности индийских компаний также стали инвестиции в высокотехнологичный и наукоемкие отрасли российской промышленности, однако это направление на сегодняшний день требует дальнейшего развития и расширения сотрудничества между странами.

Российский капитал в пореформенный период развития индийской экономики не проявлял большого интереса к инвестированию по этому географическому направлению. Это связано с ориентацией большинства российских компаний на сотрудничество с развитыми странами Запада (в первую очередь с представителями ЕС) или с Китаем как одним из ведущих экономических партнером РФ на современном этапе, а также с существованием значительных административных и бюрократических барьеров для приложения ПИИ в индийскую экономику, культурными различиями и языковым барьером. Объем российских ПИИ в индийскую экономику составляет чуть более 4 млрд долл. Тем не менее, можно выделить несколько приоритетных направлений деятельности российских частных и государственных компаний в Индии. В первую очередь это, как и в случае приложения индийских ПИИ в Россию, сектор нефтегазовой промышленности. В 2017 г. «Роснефтью» были приобретены 49% индийской

компании ESSAR. Стоимость приобретения составила 12,9 млрд долл., что стало крупнейшей иностранной инвестицией в экономику Индии, а также крупнейшей инвестицией российских компаний за рубеж [6. с. 107]. Основным приобретенным активов является второй по мощности в Индии нефтеперерабатывающий завод (НПЗ) а также портовый терминал, электростанция и сеть заправочных станций. Помимо «Роснефти» в совместных предприятиях с Индией участвуют и другие российские компании — «Лукойл», Газпром Нефть, НОВАТЭК. Реализуются инфраструктурные проекты с участием ОАО «Зарубежнефть» и ОАО «Стройтрансгаз». В 2012 г. было подписано соглашение о создании СП по производству бутил-каучука в штате Гуджрат между российской нефтехимической компанией ОАО «Сибур Холдинг» и индийской Reliance Industries Limited [2. с. 13].

Особое внимание стоит уделить деятельности российских компаний в Индии в энергетической отрасли и оборонной промышленности. В 2000-х гг. российские компании приняли участие в реконструкции и модернизации индийских гидро и теплоэлектростанций «Бхакра», «Корба» и «Синграули». Кроме этого, российская компания ОАО «Силовые машины» поучаствовала в строительстве одной из крупнейших в Индии ГЭС «Тери» в 2008 г.158 Российские компании активно сотрудничают с индийскими в развитии атомной энергетики, в частности, при строительстве атомной электростанции «Куданкулам» [4. с. 130]. Данное направление инвестиционного сотрудничества представляется одним из самых перспективных.

Одной из отличительных черт индийско-российского инвестиционного сотрудничества является активное развитие совместных разработок и производства продукции оборонного-промышленного комплекса (ОПК). В частности, стоит выделить работу по модернизации авиационного комплекса Т-50, осуществленную совместно ОАО «Сухой» и Hindustan Aeronautics Limited (HAL). В июле 2014 г. успешно были проведены испытания российско-индийской сверхзвуковой противокорабельной крылатой ракеты BrahMos, производимой на российско-индийском СП.160 Россией была осуществлена модернизация авианосца «Викрамадитья» (бывший авианесущий крейсер «Адмирал Горшков»). Активно развивается производство на территории Индии различных систем вооружения, военной техники и другой продукции ОПК с участием российских пред-

приятий и научных сотрудников [4. с. 132] соответствует целям реализации программы правительства Нарендры Моди «Маке in India». По данному направлению инвестиционного и технического сотрудничества Россия является одним из ведущих партнеров Индии.

Среди других важных направлений приложения российских инвестиций в экономику Индии исследователи отмечают автомобильную промышленность, металлургию, сферу ІТ, а также реализацию различных инфраструктурных проектов — строительство и реконструкцию мостов, железнодорожных путей, автомобильных дорог [4. с. 134]. В 2009 г. в штате Гуджрат было создано совместное предприятие по производству грузовиков «Ката Vectra Motors Ltd». С российской стороны в нем принимает участие ОАО «КАМАЗ» (51% в СП). В Западной Бенгалии расположено предприятие по сборке грузовиков марки «Урал» и автобусов с участием российского ОАО «Автомобильный завод «Урал». ОАО «Московский метрострой» принимало участие в строительстве метро и подземных туннелей в городе Ченнаи. Интерес к сотрудничеству с Индией в высокотехнологичной сфере проявляет российская компания «Роснано» [3. с. 140]. В сфере услуг осуществляется взаимодействие между российскими и индийскими страховыми компаниями.

Демонстрирующая впечатляющие темпы роста в пореформенный период развития индийская экономика продолжает испытывать потребность в привлечении финансовых ресурсов, в том числе в форме предпринимательского капитала для дальнейшей модернизации экономики и развития национальных конкурентных преимуществ. В этом контексте российские компании имеют возможность расширить и диверсифицировать свою деятельность на этом направлении. Введение экономических санкций со стороны стран ЕС и США в отношении России создают трудности для сотрудничества в области привлечения и экспорта инвестиционного капитала по традиционным для России географическим направлениям. В этих условиях российские политические и бизнес круги осознают необходимость ускоренного развития связей с другими участниками мировой экономики.

Интенсификация политического и экономического сотрудничества между двумя странами является долгосрочной стратегической задачей,

реализация которой приведет к взаимовыгодному развитию национальных хозяйств Индии и России и повышению их роли в мировой экономике.

Список литературы

- Ахмадулина Т. В., Распопов В. М. Перспективы российско-индийского сотрудничества // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 8.
- 2. Галищева Н. В. Союз, проверенный времен // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3.
- 3. Леонова О. Г. Индийско-российские отношения в 21 веке: взгляд с другой стороны // Россия и современный мир. 2017. № 96.
- 4. Лунев С. И. Индийский марш // Россия в глобальной политике. 2007. № 4.
- Лунев, С. И. Индия как один из новых центров глобального влияния // Сравнительная политика и геополитика. 2012. № 2
- 6. Новиков И. А. Современное состояние и перспективы сотрудничества России и Индии в нефтегазовом секторе: диссертация. Москва, 2019.
- 7. Мальцева О. А. Особенности индийских прямых инвестиций за рубежом: диссертация. Москва, 2018.
- 8. Guruprasad Desai. An Analysis of Foreign Investment Inflows in India // UGC Care Journal. 2020. Vol. 40(40).
- 9. Himani Pant. India-Russia Economic and Energy Cooperation: The Way Ahead // ORF. 2017. N181
- 10. Sourabh Ghosh. FDI in India: An Overview of Trends and Policies // Journal of Management & Public Policy. 2019. Vol. 10(2).
- 11. Palit A. Outward Investment from India: features and drivers // Indian Foreign Affairs Journal. 2007, Vol. 2(3).

УДК 327.8

Олимпийские игры в Пекине как демонстраций мягкой силы КНР

Ван Аньци

магистр Харбинского политехнического университета (Китай)

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются вопросы влияния крупных спортивных мероприятий на формирование положительного имиджа страны на международной арене. В качестве примера подобных событий предлагаются Олимпийские игры, проводившиеся в столице Китайской Народной Республики в 2008 и 2022 годах. В результате автор приходит к выводу, что в обоих случаях речь шла о демонстрации мягкой силы Китая, желающего упрочить свои позиции и убедить мировое сообщество в том, что его достижения не только не несут для него какой-либо угрозы, но и служат доказательством правильности выбранного страной идеологического пути.

Abstract: This article discusses the influence of major sporting events on the formation of a positive image of the country in the international arena. The Olympic Games held in the capital of the People's Republic of China in 2008 and 2022 are offered as an example of such events. As a result, the author concludes that in both cases it was a demonstration of China's soft power, wishing to strengthen its position and convince the world community that its achievements not only do not pose any threat to it, but also serve as proof of the correctness of the ideological path chosen by the country.

Ключевые слова: Китай, Олимпийский игры, имидж страны, репутация, специальные мероприятия, мягкая сила.

Keywords: China, Olympic Games, country's image, reputation, special events, soft power.

В феврале 2022 года в столице КНР вновь состоялись Олимпийские игры. Ранее город уже принимал это важное спортивное событие — в августе 2008 г. За эти годы мир пережил немало потрясений, а Китай закрепил за собой статус мировой сверхдержавы. Выбор места проведения произошел в 2015 году на 128-й сессии МОК, проходившей в Куала-Лумпуре (Малайзия). Сметная стоимость этих Игр составляет около 38,5 миллиардов долларов, что в 10 раз превышает первоначально предполагаемые инвестиции в 3,9 миллиарда. Для сравнения, на Олимпийские игры 2008 года в Пекине было потрачено 42 миллиарда долларов. Иными словами, 14 лет спустя

затраты на проведение мероприятия оказались примерно такими же, как и в Пекине в 2008 г., за исключением того, что в этот раз было проведено гораздо больше соревнований и участвовало больше спортсменов и стран [1]. Это еще раз показывает, что Олимпиады становятся все более дорогими, что снижает вероятность их проведения в странах с низким и средним уровнем дохода. Потенциальные выгоды меркнут по сравнению с инфраструктурой, которую впоследствии невозможно использовать и обслуживание которой чрезвычайно дорого.

При этом Китай не очень силен в зимних Олимпийских играх, да и в целом зимние виды спорта недостаточно популярны в стране. Лучшие результаты Китая на зимних Олимпийских играх были в Турине 2006 и Ванкувере 2010, где они выиграли по 11 медалей. Вышеизложенное может поставить под сомнение смысл организации Олимпийских игр там, где нет ни плавания, ни легкой атлетики, ни настольного тенниса, где страна является мировой державой. Ответ кроется в желании китайских властей укрепить государственный имидж, в дополнение к другим потенциальным политическим выгодам [2].

Для Китая Летние Олимпийские игры 2008 года стали способом продемонстрировать миру свое развитие, процветание и спортивные достижения. Церемония открытия, проведенная на национальном стадионе в Пекине, названном «Птичье гнездо» запомнилась масштабностью и красочностью. На тех Играх больше всего медалей завоевали китайские спортсмены, а Пекин начал позиционировать себя как бренд с обновленной публичной дипломатией [3].

Традиционная публичная дипломатия заметно изменилась перед лицом глобализации. Укрепление гражданского общества, ослабление государства и утрата доверия к институтам власти сыграли важную роль в этом процессе. В результате цель публичной дипломатии стала состоять в том, чтобы завоевать умы и сердца людей путем убеждения. В современном мире нации борются за привлечение инвестиций, туристов, развитие торговли и т. д. По этой причине крайне важным для них становится то, какое представление о них может сложиться.

В Китае во время президентства Ху Цзиньтао (2003—2013 гг.) был придуман термин «мирный подъем». С его помощью Пекин посылал миру

сигнал о том, что его процветание и сила не представляют угрозы. Напротив, его развитие идет на пользу сообществу наций и будет способствовать формированию гармоничной глобальной среды. Именно в этих рамках следует понимать Олимпийские игры 2008 года в Пекине, которые, казалось, были направлены на трансляцию идей мира, развития и благоленствия.

Выставленный нарратив привлекает внимание тем, что знаменует собой дистанцирование от СССР [4], который с момента своего рождения поставил перед собой цель способствовать мировой революции, которая не могла быть мирной. Процветание Китая неразрывно связано с умеренно гармоничными отношениями с миром. В целом, спорт задолго до того, как азиатский гигант смог принять у себя Олимпийские игры, был центральным элементом в налаживании отношений КНР с противниками. В книге «Дипломатия пинг-понга» Николас Гриффин объясняет, как настольный теннис сблизил Соединенные Штаты и Китай времен Мао.

В то же время с уходом Ху Цзиньтао и приходом Си Цзиньпина нарратив мирного подъема несколько изменился. Именно на 18-м съезде Коммунистической партии Китая (КПК), состоявшемся в ноябре 2012 года, черты китайской мечты были обозначены в свете двух важных памятных дат: столетия со дня основания КПК в 2021 году и столетия со дня основания КПК. Китайская мечта, по словам Си Цзиньпина, стремится вернуть КНР к исторической нормальности, той, в которой он был огромной империей. В этом смысле цели, вытекающие из китайской мечты, предполагают удвоение ВВП в 2020 году, а также доходов на душу населения в сельских и городских районах по сравнению с тем, что существовало в 2010 году.

Иными словами, если при Ху Цзиньтао Олимпиада в Пекине была нацелена на то, чтобы убедить мир в том, что подъем КНР в экономической, технологической и многих других сферах не представляет угрозы, то при Си Цзиньпине она ориентировалась на то, чтобы показать прогресс страны и упрочить лидерство Китая на международной арене. Век унижений закончился, и пришло время миру приспособиться и привыкнуть к китайскому присутствию, силе и влиянию.

МИД КНР активно работает над улучшением имиджа страны. Внутреннее название отдела пропаганды коммунистической партии Китая

даже было изменено на отдел рекламы. Такие организации, как информационное агентство «Синьхуа» ранее транслировавшие правительственную пропаганду и отличавшиеся антизападными взглядами, модернизировались до такой степени, что теперь рассматриваются как надежный источник информации. То же самое можно сказать и о Центральном телевидении Китая. Конечно, все эти организации отчитываются перед отделом рекламы КПК и, следовательно, подлежат цензуре. Однако в целом трансформация, которую они претерпели, все еще значительна, и играет благоприятную роль для имиджа КНР [5].

Сегодняшний имидж Китая способен не только обезопасить его от дипломатического бойкота, но и генерировать собственные нарративы, чтобы противостоять западным СМИ.

КНР инвестирует значительные ресурсы в «мягкую силу». Она поощряет, например, изучение своего языка через Институты Конфуция.

Глобальные индексы мягкой силы также учитывают другие аспекты, включающие управление, бизнес, торговлю, международные отношения, культуру и наследие, средства массовой информации, образование, науку, людей и ценности.

Примером могут служить именно усилия китайских властей по проведению Олимпийских игр. В 2008 году они стали возможностью для азиатской страны заявить о себе как о гостеприимной стране, открытой для диалога и сотрудничества. 100 медалей, завоеванных китайскими спортсменами в 2008 году, вызвали восхищение международного сообщества их достижениями. При этом в отличие от 2008 года, когда китайские власти должны были соблюдать условия, выдвинутые миром для проведения летних Олимпийских игр, сегодня, в 2022 году, мир отступает перед лицом китайских условий. [6]

Президент России и стратегический союзник КНР Владимир Путин присутствовал на открытии Зимних Олимпийских игр. Очевидно, что Си Цзиньпин бросает вызов Западу в тот момент, когда отношения Москвы с США и странами НАТО накалены до предела. Материальные затраты на мероприятие, добавленные к экономической мощи и растущему влиянию КНР в мире, заставили МОК предпочесть Пекин. Спортивные состязания такого рода, несомненно, вносят весомый вклад в решение основных гло-

бальных проблем, особенно перед лицом изоляции, распределения материальных благ и достижения устойчивого развития.

Список литературы

- 1. Варфоломеев В. П. Олимпийские игры в Пекине как крупномасштабный проект: методы верификации и проблемы социально экономической эффективности / В. П. Варфоломеев, Д. Чжао. Текст: непосредственный // Зарубежный опыт.— 2010.— № 11(176). С. 42—46.
- Корчагина Е. В. Олимпийские игры как инструмент формирования имиджа страны / Е. В. Корчагина, А. В. Варнаев. Текст: непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 5. С. 190—203.
- 3. Cabula M. Emerging Negative Soft Power: The Evolution of China's Identity in the 2008 and 2022 Beijing Olympics Opening and Closing Ceremonies // The International Spectator. Italian Journal of International Affairs.— 2023.— № Vol. 58, Issue 2. pp. 17–34.
- Милованова Р. В. Мегасобытие «Олимпиада-80»: информационнопропагандистский инструментарий советской ивент-дипломатии / Р. В. Милованов. — Текст: непосредственный // Управление в современных системах. — 2016. — № 3 (10). — С. 49—57.
- 5. Manzenreiter, W. The Beijing Games in the Western imagination of China: The weak power of soft power // Journal of Sport & Social Issues.— 2010.— № Vol. 58, Issue 2. pp. 29–48.
- 6. Dubinsky Y. Nation Branding, Public Diplomacy and The Dystopian Beijing 2022 Winter Olympic Games / Y. Dubinsky. Текст: электронный // Center on Public Diplomacy: [сайт]. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/nation-branding-public-diplomacy-and-dystopian-beijing-2022-winter-olympic-games (дата обращения: 06.06.2023).

УДК 327.51

Проблема расширения НАТО на Восток как ключевая причина эскалации конфликта между Россией и НАТО на современном этапе международных отношений

Хить Сергей Александрович

магистрант Института истории и международных отношений Южного федерального университета

Аннотация: В рамках данной статьи представлен комплексный обзор ключевых событий в процессе расширения НАТО на восток через призму российско-атлантических отношений. В ходе данной работы изучаются ключевые особенности трансформации отношений формата Россия-НАТО, внешнеполитический курс обеих сторон и вопрос применимости формата данных отношений в рамках ключевых причин современного состояния отношений между Россией и Западным миром.

Abstract: This paper provides a comprehensive overview of key developments in NATO's east-ward expansion through the lens of Russian-Atlantic relations. This paper examines the key features of the transformation of the Russia-NATO format relationship, the foreign policy course of both sides, and the question of the applicability of this relationship format within the key causes of the current state of relations between Russia and the Western world.

Ключевые слова: Российская Федерация, НАТО, украинский кризис, конфликт, Евро-ПРО, расширение Альянса, система безопасности, однополярность, грузинский конфликт, внешняя политика.

Keywords: Russian Federation, NATO, Ukraine crisis, conflict, EuroPRO, Alliance expansion, security system, unipolarity, Georgian conflict, foreign policy.

Начиная с 2000-х годов Российская Федерация в рамках общего курса собственной политики, постоянно и неоднократно выступала против «территориальной экспансии» НАТО на Восток, подразумевая продвижение НАТО к границам России ничем иным, как, в первую очередь, попыткой военного сдерживания России и «закрытия» ее традиционной сферы влияния. В данном ключе российские власти неоднократно указывали на тот факт, что процесс расширения НАТО неизбежно приведет к росту напряженно-

сти в Европе. В рамках официальной политики государства указывалось, что прием в НАТО новых стран, которые граничат с Россией или находятся в непосредственной близости от нее, приводит к сокращению времени стратегического развертывания войск Альянса, что в конечном итоге становится особенно опасным для России, не имеющей возможности в случае вероятного конфликта своевременно ответить на агрессию со стороны НАТО.

В рамках данной статьи необходимо прежде всего обратиться к теоретической стороне вопроса глобального противостояния НАТО и России в настоящее время. Понятийный аппарат данных вопросов включает в себя такие термины как «сверхдержавность» и «многополярность», которые являются частью концепции Г. Киссинджера, выраженной в рамках его произведения, получившего название «Мировой порядок» [11]. При этом безусловно, Киссинджер не является автором данной концепции — понятие «сверхдержавы» было введено У. Фоксом в рамках его научной работы с одноименным названием (1944) [2]. Концепция же полярности международных отношений была закреплена в рамках работы З. Бжезинского «Великая шахматная доска» [9], в которой автор прежде всего опирался на вопросы структурированности современного однополярного мира. Концепция многополярного мира, как одна из наиболее новых концепций мирового порядка, была в полной мере отражена в рамках монографии А. Дугина «Теория многополярного мира» [10].

В начале 2000-х годов при этом мир находился в состоянии однополярного развития, что позволяло НАТО и США выполняет функцию гегемона в международных отношениях. Существенным образом российско-атлантические отношения изменились после выступления В. Путина в Мюнхене в 2007 году. Путин в рамках своего выступления поднял вопросы, касательно оспаривания статуса американской сверхдержавности и выразил уверенность в том, что в рамках международных отношений наметился новый, многополярный миропорядок. Однако в данном ключе вместо того, чтобы найти точки соприкосновения в рамках глобальной трансформации, руководители НАТО и США предпочли в данном ключе дистанцироваться от подобных проблем, не принимая их во внимание [3].

В 2008 году в контексте расширения НАТО на восток и разработки планов развертывания элементов противоракетной обороны США в Польше

и Чехии, президент Дмитрий Медведев предложил заключить договор о европейской безопасности, который устанавливается принцип неделимости безопасности. Согласно предложению российского президента, такой договор должен был в рамках традиционных норм международного права обязать НАТО выполнять следующий пункт, гласящий о том, что «ни одно государство или международная организация не может иметь исключительных прав на поддержание мира и стабильности в евро-атлантической зоне». Однако данное предложение российского президента тогда не нашло поддержки со стороны западных стран.

Обострение отношений Россия-НАТО получило новый виток в 2014 году, после начала российско-украинского кризиса на фоне свержения власти в Киеве зимой 2014 года и присоединением Крыма Россией в марте 2014 года, а также началом вооруженного конфликта на Донбассе, перешедшего в острую фазу в 2014—2015 гг. В данном ключе НАТО, вместо диалога с Россией, выбрало агрессивный путь продвижения собственной политики, не пытаясь урегулировать отношения России и Украины [8], а выступая исключительно на стороне последней. Это породило глубокий затяжной кризис в отношениях России и НАТО, который продолжается до сих пор.

12 мая 2015 года, постоянное представительство Российской Федерации при НАТО опубликовала анализ взаимоотношений России с НАТО, под названием «Россия и НАТО: мифы и факты». В рамках данного документа было заявлено, что процесс расширения НАТО на восток, вопреки обещаниям, данным в устной форме западными лидерами еще М. Горбачеву в начале 1990-х, продолжает развиваться в полной мере, вовлекая в данную сферу уже страны СНГ и постепенно выходя на естественные границы (а не границы традиционной зоны влияния) Российской Федерации. В данном ключе Россия неоднократно подчеркивала свою готовность противостоять возможной агрессии и гибридному противостоянию с НАТО, которое было выражено через конфликты в Южной Осетии и в Украине [12].

НАТО в данном ключе выступала в оппозицию российскому видению ситуации, в рамках чего предпочитала продолжать навязывать России глобальное противостояние. Так, в 2016 году на саммите глав государств Се-

вероатлантического альянса в Варшаве была достигнута договоренность о том, чтобы направить на территорию, по мнению глав государств НАТО, наиболее незащищенных от потенциальной российской агрессии государств-членов НАТО более эффективные и надежные средства обороны, что подразумевало увеличение процента покрытия вооружением НАТО территории Европы, в том числе и в рамках установок противоракетной обороны [7]. На саммите НАТО было подчеркнуто, что данные действия представляют собой необходимый и позитивный вклад, который, якобы, позволяет снизить вероятность конфликта между Россией и НАТО, за счет потенциально уязвимого положения России [8].

Данная политика продолжала западный и, в частности, американский курс на отрицании факта отказа Россией воспринимать мир в качестве однополярного и факта принятия со стороны РФ собственной сверхдержавности в рамках региональной концепции полюса силы в многополярной системе международных отношений. Ожидая от России поведения, аналогичного позиции страны с более слабыми представлениями о собственном положении в мировой политики и более слабым военным и эконмическим потенциалом, США и НАТО продолжили наращивать свой потенциал на границах с РФ, чем фактически сами продолжили провоцировать Россию, при этом обвиняя в провокациях Москву [4]. В конечном итоге это привело к наращиванию военного присутствия на западных границах Российской Федерации как со стороны НАТО, так и со стороны российских сил, что привело к тому, что для большинства международных экспертов стало ясно, что подобная политика НАТО в конечном итоге все больше и больше погружала в кризис концепцию безопасности современной Европы.

Однако в данном ключе лидеры страны НАТО и в особенности Соединенные Штаты не отказались от своей политики, однако при этом попытались выровнять ситуацию в рамках попытки наладить отношения с Россией и убедить ее отказаться от собственного внешнеполитического курса. Так, в рамках доклада по результатам Варшавского саммита 2016 года указывается, что Альянс рассчитывает принять двоякий подход в отношениях с Россией: вопрос сдерживания и вопрос диалога [7]. В рамках данного подхода подчеркивалось, что в данном ключе НАТО будет комбинировать данные действия, что безусловно не устраивало РФ, поскольку это бы

означало, что Россия оказывается в рамках де-юре равносторонних переговоров в заведомо уязвимом положении.

В декабре 2019 года, президент России Владимир Путин заявил на совещании по развитию флота в Сочи о том, что в настоящее время Россия четко следует собственному вектору внешнеполитического развития, который предполагает, что на сегодняшний момент расширение НАТО, развитие ее военной инфраструктуры вблизи российских границ является одной из потенциальных угроз безопасности России и Россия в данном ключе будет вынуждена ответить на данные процессы рядом собственных контрмер по сдерживанию возможной агрессии со стороны Североатлантического Альянса.

Позиция НАТО к началу 2020-х годов выражалась прежде всего в обвинениях в сторону России — в НАТО заявляли, что это именно российская воинственная и провокационная риторика привели к тому, что в НАТО были вынуждены реализовывать план по присоединению новых государств-членов к Альянсу, увеличивать расходы на оборону и проводить работы по укреплению своего потенциала сдерживания и обороны на восточном фланге [6]. При этом Россия в лице В. Путина и других представителей ПФ регулярно указывали на то, что в данной политики Россия не отступит и не изменит свое поведение перед лицом военных действий НАТО, поскольку от этого напрямую зависит вопрос ее собственной безопасности. При этом подобные заявления со стороны НАТО традиционно воспринимались не как поле для деятельности в рамках двустороннего урегулирования вопроса отношений между НАТО и РФ, а как повод для продолжения собственной агрессивной политики в отношении Российской Федерации, что существенно обостряло нарастающий конфликт между Россией и Западом и фактически все больше и больше снижало вероятность достижения консенсуса в принципиальных для России и для НАТО вопросах.

Большинство независимых экспертов в данном ключе традиционно указывают на факт того, что к концу 2021 года НАТО и Россия застряли в классической дилемме безопасности, в которой оборонительные меры, принятые с одной стороны, считаются наступательными и угрожающими с другой. Изначально предполагалось, что для обеих сторон представля-

ется особенно важным понять и обсудить дилемму безопасности и меры, которые могут быть приняты для того, чтобы сделать военные позиции обеих сторон менее угрожающими друг для друга.

В данном ключе, однако, подчеркивается, что как в случае с РФ, так и в случае с НАТО стороны плохо идут на компромиссы и прежде всего стремятся к защите собственных интересов. Для России и НАТО единственным выходом в данном ключе представлялось наладить структурированный и длительный диалог по вопросам сдерживания, безопасности и более широкой стратегической стабильности. Приоритетом должно быть обсуждение того, какие шаги НАТО и Россия могут сделать для снижения риска конфликта, который возникает в результате текущей политики обеих сторон. При этом позиция НАТО в данном ключе безусловно должен учитывать позицию всех стран Альянса, а не приниматься исходя односторонней позиции Вашингтона, поскольку в данном ключе это будет означать ущемление интересов европейских стран и потенциальный рост конфликтогенности в регионе.

Перед началом наиболее жесткого обострения отношений между Россией и НАТО в начале 2022 года Российская Федерация со своей стороны сделала последнюю попытку урегулировать отношения с НАТО в рамках дипломатии. Так, 17 декабря 2021 года МИД России опубликовал проекты соглашений между Россией и США и НАТО о гарантиях безопасности. В частности, в двух документах содержалась информация об обязательстве исключить дальнейшее продвижение НАТО на восток и отказаться от применения угрожающих России систем вооружений за пределами стран, где они находились в 1997 году [1] (до подписания Закона Россия-НАТО, который предусматривает запрет на применение ядерного оружия на территории новых членов НАТО).

Здесь принципиально важно отметить, что Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, который был подписан в Париже 27 мая 1997 года, включает в себя положение, в котором говорится, что страны НАТО не планируют трансформировать свою парадигму ядерного оружия и размещать его в европейских странах восточнее текущей границы его размещения [1]. Однако 19 ноября

2021 году на конференции Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что если Германия откажется от размещения американского ядерного оружия на своей территории, то это может побудить США перенести его в другие европейские страны, прежде всего в те, которые располагаются восточнее Германии. Это вызвало резкую критику со стороны РФ — так, по мнению главы МИД России Сергея Лаврова, Европа может вернуться к «кошмарному сценарию» военного противостояния. Президент России Владимир Путин 8 декабря 2021 года заявил, что в случае принятия Украины в НАТО на ее территории могут быть размещены виды вооружения, угрожающие России. Глава российского государства выразил надежду, что все опасения по поводу расширения НАТО будут услышаны. Однако НАТО отказалось от приятия российских гарантий безопасности чем в очередной раз подтвердило отсутствие стремления к мирному и дипломатическому решению данного вопроса.

В 2022 году отношения формата Россия-НАТО столкнулись с новым кризисом, который выразился в рамках СВО России в Украине. Данное событие по оценке международных экспертов стало следствием длительного обострения отношений между Украиной и Россией, вызванного политикой сближения Украины и НАТО, процессом расширения НАТО на восток, провоцированием НАТО России и отказом НАТО подписать соглашения о безопасности, выдвинутые Россией в декабре 2021 года. Конфликт в настоящее время только запустил «маховик» своего развития. Однако не исключено его перерастание в затяжную фазу, что не сыграет на руку отношениям России и НАТО, которые в данном ключе так или иначе должны привести к консенсусу для недопущения повторения подобной ситуации в целом и для урегулирования современного состояния конфликтогенности региона.

В данном вопросе для России приоритетом сохраняется недопущение сохранения военного присутствия НАТО на собственных границах, для НАТО же в данном вопросе большинством военных и политических экспертов рассматривается вариант о заключении многостороннего соглашения с Россией об отказе от дальнейшего расширения НАТО на восток во избежание провокации России. Однако в данном ключе неизвестно, насколько данный вопрос продвинется вперед, особенно на фоне пере-

говоров о возможном «скандинавском» расширении НАТО в рамках вхождения в Альянс Швеции и Финляндии, что добавит еще несколько сотен километров границы между НАТО и РФ и в перспективе может снова вызвать эскалацию политического противостояния между Россией и НАТО. Фактически движение в сторону принятия Швеции и Финляндии в НАТО можно рассматривать как отказ Альянса от достижения какого-либо консенсуса в области отношений с РФ и сохранение собственной политики по наращиванию военного присутствия в евразийском регионе.

Список литературы

- 1. Founding Act on Mutual Relations, Cooperation And Security Between NATO And The Russian Federation, 1997 [интернет-ресурс] Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25468.htm.
- 2. Fox W. The Super-Powers: The United States, Britain, And The Soviet Union-Their Responsibility For Peace, 1944.
- 3. Lulian R. A Quarter Century Of NATO-Russia Relations, 2017 [интернет-ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/320497593_a_quarter_century_of_nato-russia_relations.
- 4. Marten K. Reducing Tensions Between Russia and NATO // Council Special Report No. 79, March 2017.
- 5. NATO-Russia Crisis Brief // Nuclear Crisis Group, December, 2016.
- 6. Recommendations of the Participants of the Expert Dialogue on NATO-Russia Military Risk Reduction in Europe, December, 2020.
- 7. Sokolsky R. The New Nato-Russia Military Balance: Implications for European Security. 2017. [интернет-ресурс] Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/319673617_Richard_Sokolsky_The_New_Nato-Russia Military Balance Implications for European Security 2017.
- 8. Бажуков В. И. Россия и НАТО: партнерство или противостояние // Россия в XXI веке, 2017 [интернет-ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-nato-partnerstvo-ili-protivostoyanie.
- 9. Бжезинский Б. Великая Шахматная Доска // М. Международные отношения, 1998 [интернет-ресурс] Режим доступа: http://www.sp-ved.narod.ru/MATERS/BZHEZINSKY.pdf.

- 10. Дугин А. Теория многополярного мира // М. Евразийское движения, 2013 [интернет-ресурс] Режим доступа: https://www.geopolitika.ru/sites/default/files/tmm-new-alltry2.pdf.
- 11. Киссинджер Г. Мировой порядок // АСТ; Москва; 2015 [интернет-ресурс] Режим доступа: http://crimescience.ru/wp-content/up-loads/2015/11/Монография-Киссинджер.pdf.
- 12. Кошкин А. П., Хмелевой А. Е. Отношения Россия НАТО: от партнерства к жесткому оппонированию // Власть, 2016 [интернет-ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniya-rossiya-nato-ot-partnerstva-k-zhestkomu-opponirovaniyu.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Журнал «Научный аспект №6 2023»

Эл. почта редакции: public@na-journal.ru Подробнее на сайте: https://na-journal.ru